

18+

Елена Федина

МАЛЫЙ ЛЕВ. ПРЕДДВЕРИЕ. I

Малый лев

Елена Федина

Малый лев. Преддверие. I

«Издательство Интернационального союза писателей»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Федина Е.

Малый лев. Преддверие. I / Е. Федина — «Издательство
Интернационального союза писателей», 2026 — (Малый лев)

ISBN 978-5-6055644-2-3

Цикл про золотых львов из созвездия Малого Льва открывают две истории, случившиеся на Земле, где ещё остались потомки вымершей расы белых тигров. Первую историю поведал музыкант, на чей голос белая тигрица вышла из леса. Это исповедь человека, наделённого талантом и не знающего, как его реализовать, не предавая себя и свою любовь. Но выбор сделан, и ему придётся пройти свой путь до конца. Во второй появляются надменные сородичи тигров, сверхлюди — эрхи. Они рациональны и безупречны, но их стремление к совершенству чуждо миру обычных людей. Безумный король, незаконно получив от них силу, выбирает себе наследника. И только Кристиан Дерта чудом выдержал испытание. Он победил, но ему придётся столкнуться и с эрхами — и узнать правду о себе.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6055644-2-3

© Федина Е., 2026
© Издательство Интернационального
союза писателей, 2026

Содержание

Белая тигрица	6
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елена Федина

Малый лев. Преддверие. I

Продюсер проекта Елена Наливина

© Елена Федина, 2026

© Интернациональный Союз писателей, 2026

* * *

Белая тигрица

Стоял июль. Темнело поздно. Ещё не растаяла вечерняя заря над крышами, а улицы уже опустели. Город готовился ко сну.

– Ну что? Ещё раз испытаем удачу? – сказала Нолли. – Постучимся в первый попавшийся дом и попросимся переночевать?

– Давай, – согласился я, – только чует моё сердце, ночевать мы будем под мостом: народ здесь какой-то неприветливый.

– Нам повезёт. Нам постоянно везёт в последнее время, ты заметил?

– Судя по тому, что нас ещё не поймали...

Мы рассмеялись, и наш смех гулко отозвался где-то в тупике. Нолли шла впереди меня, выбирая, куда бы постучать. Я во всём положился на её интуицию. Везло ей, а не мне. Я вообще человек невезучий, но Господу Богу было за что невзлюбить меня, поэтому я на Него не в обиде.

Нолли остановилась. Дом, который ей приглянулся, ничем не отличался от остальных, стоящих в ряд по улице Оружейников: два этажа по три окна, дверь с кольцом, над дверью навес с ажурными завитушками, серые стены и оконные рамы, увитые плющом.

– Вот, – улыбнулась Нолли, – стучи.

– Хорошо. Только говорить будешь ты.

Она была такая хорошенькая, глаза такие невинные и удивлённые, а рот такой детский, что только чудовище могло захлопнуть дверь у неё перед носом. Я ей так и сказал. Она подмигнула мне и поднялась на крыльцо.

Хозяйка впустила нас почти сразу. Не знаю, везенье тому причиной или очарование Нолли, но через пять минут мы сидели в гостиной за дубовым столом, а черноволосая женщина с усталым лицом разливала нам молоко по кружкам и резала толстыми ломтями чёрный хлеб.

– Куда же вы идёте? – спросила она, присаживаясь к нам за стол.

– Скорее не куда, а откуда, – объяснил я, – мы сбежали от родителей, чтобы обвенчаться. Теперь скрываемся. В гостиницах, сами понимаете, мы не рискуем ночевать.

– Понимаю. Родители были против?

– Все были против! – сказала Нолли чуть ли не с восторгом. – Но мы всё равно сбежали. Потому что мы не можем друг без друга, правда, Мартин?

– Да, любовь моя, конечно.

Хозяйка грустно улыбнулась и посмотрела на нас как на цыплят, ласково и снисходительно.

– Ну что ж, буду рада вам помочь, раз вы любите друг друга. Живите у меня, сколько хотите.

Нолли определённо везло!

– А ваш муж не будет против? – Я спросил, потому что по множеству примет в доме чувствовалось присутствие мужчины.

– У меня нет мужа, – сухо сказала хозяйка, – мы живём с братом.

– А брат? Он не будет возражать?

– Брат? – Тут она невольно улыбнулась. – Он не будет. Вы остаётесь?

– Нам просто неудобно...

– Да что вы, дом всё равно пустой. А если у вас нет денег...

– У нас есть деньги.

Я видел, что Нолли очень хочет остаться. Она уже устала от бродяжничества и вечного страха быть пойманными.

– Мы с удовольствием поживём у вас немного, – сказал я, – пока Нолли не отдохнёт. Да и мне, честно говоря, надоело скитаться.

– Я вас прекрасно понимаю, – улыбнулась хозяйка. – Мы с братом вот уже десять лет скитаемся по разным городам. Больше полугода нигде не живём.

– Тоже скрываетесь от кого-то?

– Да. От отца.

Нолли почему-то вздрогнула и прижалась ко мне плечом.

– Что же отец вам сделал?

– Мне – ничего. Но брата он просто ненавидел, я не могла больше видеть, как отец над ним издевается. Когда мне было семнадцать лет, а брату четырнадцать, мы сбежали из дома. Просто так, в никуда. Просто вышли однажды на рассвете, взявшись за руки...

– Значит, вы недавно в Тарлероле?

– Полгода.

– А знаете, что я забыл спросить?

– Что?

– Как вас зовут.

– Меня зовут Изольда.

Ей шло это имя, красивое и холодное. Изольда! На меня внезапно напало вдохновение, наверно, от усталости или оттого, что всё надоело.

«На берегу северного моря, в ледяной пустыне, в домике из снежных плит жила женщина с зелёными глазами, зелёными как... как... ну как же? Как трава-осока. Но она никогда не видела травы, ни осоки, ни ковыля, ни репейника. Она видела только снег и лёд. Её звали Изольда...»

Когда она ушла на кухню, чтобы разогреть ужин, Нолли укоризненно посмотрела на меня:

– Мартин! Ну, зачем ты сказал, что у нас есть деньги?

– Потому что они есть.

– О боже! Но ведь это подозрительно, как ты не понимаешь?! Бедная влюблённая парочка – и такие деньги!

– Я же не сказал сколько. Чего ты испугалась, в самом деле?

Она посмотрела растерянно, дёрнула острым плечиком, прикрытым белым локоном, и смущённо улыбнулась:

– Не знаю... я всего боюсь.

Ей очень шла растерянность. Она казалась тогда ещё моложе и прелестней. В такие минуты я даже жалел, что сбежал именно с ней.

– Ты просто устала, Птичка.

Под звон посуды на кухне, уверенные, что хозяйка не придёт, мы долго целовались в этом чужом случайном доме.

– А почему у тебя было такое странное лицо, когда она говорила?

– Нолли, представь себе такую бесконечную ледяную пустыню...

– Опять новая сказка? Ну откуда ты их берёшь, а?

– Они сами меня находят. Они вокруг. Брат и сестра убегают от жестокого отца... Чем не начало?

– Или так: двое влюблённых убегают от... – Нолли опасливо оглянулась, как будто кто-то мог стоять за спиной и подслушивать.

– От её свирепого мужа, – закончил я, и она тут же закрыла мне рот ладошкой.

– Ты меня любишь?

Я кивнул, потому что рот был закрыт.

Послышался лязг замка. Нолли соскочила с моих колен и уселась за стол.

– Кажется, хозяин!

Хозяин был горбат. Всё остальное, включая улыбку, у него было прекрасно. Он был в чёрном трико, башмаки, куртка и пояс из жёлтой кожи, волосы русые, глаза серые, спокойные, на сестру не похож ни капли. Кажется, я понял, за что мог ненавидеть его отец: не за уродство, нет, убогих детей обычно жалеют и любят как раз больше всех, а за немыслимую, издевательскую смесь уродства и красоты. За то, что мог бы стать богом, если б не самая малость – горб на спине! Впрочем, это была только моя фантазия.

Нолли ущипнула меня за рукав. Я понял её нервный жест. Это был тот самый горбатый акробат, на которого мы так долго смотрели на рыночной площади, и я ещё удивлялся, как можно при таком физическом недостатке иметь такую гибкость и силу. Пожалуй, он мог бы стать одним из королевских шутов, если б Эрих Третий, любитель подобных развлечений, приехал бы в Тарлероль и заглянул на рыночную площадь.

– Если я что-то понимаю, у нас гости, – дружелюбно сказал акробат.

– Это Маргин и Нолли, – ответила ему откуда-то из дверей сестра, – они сбежали от родителей и теперь скрываются. Пусть поживут у нас немного, ты не против, Ольвин?

– Я не против.

– Вот и отлично. Давайте теперь ужинать.

За столом мы не столько ели, сколько рассматривали друг друга. Я опять поразился, насколько отличались брат и сестра. Он весь был какой-то светлый, ясный, улыбчивый, словно изнутри светился, смотрел прямо, отвечал охотно, верил всему и сразу как человек, который сам никогда не врёт. Сестра же была смуглая, серьёзная, чем-то своим озабоченная и потому казавшаяся старше всех нас, даже когда смеялась. Меня поразило какое-то безумное множество чёрных волос, собранных на затылке в огромный узел, падающих на плечи, на грудь, на спину, завитушками лежащих на белой скатерти и на её согнутых локтях...

– Вообще-то, в городе неспокойно, – заметил Ольвин, – барон Оорл опять что-то не поделил с герцогом, так что его дружина часто навещается в Тарлероль, и не дай бог им подвернуться.

– Барон Оорл? – переспросил я. – Тот самый, что отравил покойного короля?

– Ну, это сплетни. Никто никого не травил. Эрих Второй умер сам, от сыпной лихорадки.

– А я слышал...

– Это случилось в наших местах, нам лучше знать. Да и зачем Оорлу было убивать короля, если он был его любимцем? Ни один герцог не имел столько прав, сколько этот барон. Он и теперь по привычке думает, что ему всё позволено. Дождётся когда-нибудь...

– Ну что ж, постараемся не попадаться ему на глаза, – усмехнулся я, – правда, Нолли?

Она кивнула и откусила горбушку. Изольда подлила ей супа в обмелевшую тарелку:

– Ешь, детка, ты такая худенькая.

– Правильно, – согласился я и положил рядом с ней большой кусок пирога, – вот тебе ещё.

– И ещё, – сказал Ольвин и подвинул к ней чашку с мёдом.

– Мне это нравится! – засмеялась Нолли. – Давайте я буду вашей маленькой дочкой?

– Маленькой сестричкой, – поправил Ольвин.

Изольда кивнула:

– У нас в самом деле есть маленькая сестричка, и мы по ней очень скучаем.

– А где же она?

– Дома.

– А где ваш дом?

Хозяева переглянулись и как-то замялись с ответом.

– А хотите, мы покажем вам завтра город? – спросил Ольвин.

– Конечно, – сразу закивал я, – мы же ничего тут не знаем.

Мне тоже поскорей хотелось уйти от щекотливой темы, потому что дальше мог последовать вопрос, где наш дом, и пришлось бы снова врать. И вообще, каждый имеет право на тайну.

Мне было хорошо в этом доме. Мне нравилась эта старая мебель, этот фасолевый суп, этот разговор ни о чём, эти люди, которые ничего от тебя не требуют, тишина, тиканье часов, и это было всё, что мне нужно для счастья. Хотелось просто уснуть, обнять Нолли, уткнуться носом в её светлые кудряшки и провалиться в сон, а утром пойти осматривать город. Будет солнечно и жарко, будет интересно и весело, если только не попадёмся под горячую руку барону Оорлу или ещё кому-нибудь похуже.

Нолли облизнула ложку с мёдом и надула щёки.

– Уф! Я наелась.

– Показать вам комнату? – спросила Изольда.

– Давайте сразу договоримся о деньгах, – сказал я.

Горбун удивлённо распахнул чистые серые глаза:

– Каких ещё деньгах?

– Ну как же?

– Я зарабатываю деньги другим способом.

– Да, мы видели...

– Идёмте, – позвала Изольда.

В комнате, такой же простой и уютной как гостиная, пахнувшей деревом, смолой, яблоками и ещё неизвестно чем, как только за нами закрылась дверь, Нолли дёрнула меня за рукав и заговорила сердитым шёпотом:

– Ты с ума сошёл? Зачем ты предложил ему деньги?

– Да что такого?

– Он же святой, ты разве не понял?

– Ого!

– Я серьёзно.

– А если серьёзно, то у меня в сумке полный кошелек золотых дорлинов, и я не собираюсь жить за счёт бедного акробата, да ещё и Богом обиженного.

– Замолчи, Мартин! Как ты можешь так о нём говорить?!

– Нолли, детка, если я что-нибудь понимаю, ты в него влюбилась?

– Ничего ты не понимаешь! Как будто, кроме этой любви, и не существует ничего!

Это говорила девушка, которая сбежала со мной от мужа на край света, которая всё бросила и стойко переносила все тяготы бродячей жизни. Я вдруг понял, что совсем её не знаю:

– А что же тогда?

– Просто... он святой.

– Что-то раньше тебя святость не прельщала. Скорее уж наоборот.

Она уставилась на меня удивлённо:

– Ты прав. И Бога нет, и люди – волки... и мы с тобой. Он, конечно, такой как все, просто захотелось, чтобы кто-то был... так вдруг захотелось! Как будто к солнцу из подвала...

Она грустно села на кровать, сбросила стоптанные башмаки, вынула заколку из волос. Она была маленькая, усталая и даже некрасивая, просто милая своей юностью и оптимизмом, который куда-то вдруг исчез.

– Не смотри на меня... это пройдёт. И не ревнуй, бога ради, это совсем, совсем не то...

Она долго и тихо плакала в подушку, потом наконец успокоилась и устроилась у меня на плече.

– Нам здесь хорошо будет, правда? Всё так просто, так чисто. Смолой пахнет, чувствуешь?

– И яблоками...

Провалиться в сон я так и не смог. И Нолли давно уже спала, и подушка её уже просохла, и слёзы её были только от усталости и постоянного напряжения, в котором мы жили последние три месяца, но какая-то заноза не давала забыться и заснуть. Это был запах смолы, не иначе! Сосновый лес, который шумит где-то далеко-далеко, в синей стране Озерии, где поваленные деревья и огромные серые камни, где яркое солнце и холодные, пронзительные ветра...

Зябко, мы сидим у костра: я, Марциал, Хлодвиг, Кристи и этот старик из Ядовитой Заводи, глаза у него чёрные-чёрные.

– Кто вам сказал, что здесь живёт белая тигрица?

– Она здесь, на Орлиных Камнях, старик, – Марциал говорит уверенно, он всё делает уверенно, и таким, как он, всё обычно удаётся, – её видели несколько человек.

– А зачем она тебе? – строго спрашивает наш попутчик. – Ты и так красив, богат и удачлив, разве нет?

– Этого мне мало. Я хочу стать белым тигром.

– И ты знаешь, что для этого нужно?

– Напиться её крови.

– Этого мало.

– А что ещё?

Старик не ответил. Он осмотрел всех нас и остановил взгляд на мне.

– А ты, мальчик? Ты тоже хочешь напиться её крови?

Мне стало не по себе от такого вопроса.

– Нет, – сказал я, – я только проводник.

– Мы ему нальём, если останется! – рассмеялся Марциал. – Из тебя получится неплохой тигрёнок, малыш.

– Зачем? – угрюмо спросил я его, косясь на старика.

– Затем, что это полная свобода.

– Ну и что?

– Ты так говоришь, потому что не знаешь ещё, что такое рабство.

– Я не раб.

– Все мы чьи-то рабы, тигрёнок.

– И ты, Марциал?!

Он засмеялся ещё громче. Старик уходил на ночь глядя. Жутко было смотреть, как он уходит от костра в тёмную чашу, в холодные объятия совершенно беззвёздной ночи. Я догнал его, молча сунул ему краюху хлеба. Он убрал её в мешок.

– Может, останетесь? Куда вы? Я знаю эти места, тут опасно.

– Да. Тут опасно. Белая тигрица вас к себе не подпустит. В живых останешься ты один.

– Подождите!

Он ушёл, но он сказал правду. Я видел её, гордо лежащую на большом валуне, после того как Хлодвиг сорвался с уступа, Кристи заклевали в ущелье орлы, а Марциала придавило упавшей сосной. Он жил ещё долго, почти час, сосна валялась корнями вверх и истекала смолой, молодое сильное дерево, которое само ни за что бы не упало.

– Она сильнее, – сказал Марциал, – деревья, птицы, камни... всё в её власти! Кошка! Драная кошка!

Нет, она была прекрасна! Видит бог, как я боялся её, но отвернуться, уйти, убежать было невыносимо, я любовался ею из кустов бузины как замороженный. Она наверняка меня видела, но позволяла на себя смотреть и лениво жмурилась на солнце. Потом ей это надоело, она так рывкнула, что у меня всё оборвалось внутри, и скрылась в чаще.

В свою деревню я добирался дней десять, один, без всякой веры в светлое будущее, без обещанных денег и, главное, без продуктов, которые улетели в пропасть вместе с беднягой Хлодвигом. Я проклинал тот день, когда связался с этими господами из Лесовии и согласился

быть проводником. Лес я любил всеми силами души, но тогда я решил, что с меня хватит, что надышался целебным хвойным запахом на всю жизнь!

* * *

Встал я рано, как только забрезжил рассвет. Уж лучше побродить по улицам, чем валяться как дурак в постели и смотреть в потолок. Чтобы не разбудить никого, на кухню я прошёл на цыпочках, отрезал кусок сыра, отломил горбушку хлеба и рассовал по карманам. Пока стоял в раздумье, не отхлебнуть ли вчерашнего компота и в какой кастрюле он может быть, сзади слышались шаги. Я замер, как вор на месте преступления, сам не знаю почему. Потом рассудил, что ничего особенного не совершаю, просто есть хочу, и обернулся.

В дверях стояла Изольда. В ночной рубашке. Она нимало не смутилась, она вообще не заметила меня, прошла в зад-вперёд, села к камину, разгребла угли руками и стала укладывать щепки шалашиком. Движения были замедленные, осторожные.

– Изольда, – позвал я, чувствуя неладное.

Она не слышала, не глядя взяла с каминной полки огниво. Всё это было странно: ещё вчера вечером она казалась совершенно нормальной женщиной, может, только слишком красивой для той одинокой и скромной жизни, которую она вела, но теперь я, кажется, понял причину этого одиночества.

Развести огонь я ей не дал. Страшно подумать, что могло бы быть, не окажись я случайно на кухне! Она была сильная и гибкая, я просто не знал, что с ней делать, потому что она всё время молча вырывалась и тянулась к камину со слезами на глазах, глаза были зелёные, как трава-осока.

– Да что с тобой? Что с тобой, Изольда? Ну, тише! Ну, куда ты?..

Когда она немножко успокоилась и перестала вырываться, пришёл Ольвин. Более нелепой ситуации в своей жизни я не помню.

Я стоял в четыре часа утра на чужой кухне с оттопыренными карманами, обнимал полураздетую женщину и тупо глядел на её брата, а наверху, в угловой комнате с запахом смолы и яблоч, спала моя жена.

– О господи! – сокрушённо сказал Ольвин. – Вот она где!

Сестра перешла к нему в объятья и окончательно затихла.

– Какая досада, – проговорил он потом с отчаянием, – с ней уже давно этого не было, и надо же, чтобы именно сегодня! Какого чёрта ты тут делаешь?

Я и сам себе задавал этот вопрос, но теперь уже не имело значения, что меня сюда привело.

– Я никому не скажу, Ольвин, слышишь?

Он кивнул, поднимая сестру на руки.

– Она тебя не укусила?

– Да нет, ничего...

– Ночью её ещё можно как-то остановить, я сплю за стенкой и сразу просыпаюсь. Но иногда это случается с ней среди бела дня. Не держать же её взаперти. Тогда приходится уезжать в другой город.

– Почему?

– Потому что за это отправляют на костёр.

– Но она же не ведьма, она просто больна!

– Кто будет в этом разбираться?

– А вылечить эту болезнь как-то можно?

– Подожди, я отнесу её...

Мы развели-таки огонь в камине и повесили на крючок чайник, потому что утренний голод какой-то особенно свирепый. Я с виноватым видом вытащил из карманов свои запасы:

– Понимаешь, не спалось.

Ольвин усмехнулся. Он сидел на стуле с ногами, обняв одну коленку, как это делают гимнасты и маленькие дети.

– Там в буфете сахар и печенье. Доставай, если хочешь.

Я достал. Мы смотрели друг на друга.

– Ты, наверно, теперь жалеешь, что пустил жильцов?

– Да я сразу понял, что тебя надо послать к чертям, но девочка Нолли очень хотела остаться.

– Она, между прочим, сказала, что ты святой.

– В смысле юродивый?

Он засмеялся и пошёл снимать кипящий чайник.

– Ну и в семейку вы попали! И сестра, и брат – оба ненормальные. Правда, если её ещё можно вылечить, то меня уже никак.

Если б он говорил не так весело и не с таким добродушным выражением лица, я решил бы, что он обиделся. Уроды обычно бывают обидчивые и обозлённые. Этот оказался приятным исключением.

– А давно она заболела?

– Уже десять лет.

– Ровно столько...

– Сколько мы скитаемся? Да. Я не хотел, чтобы дома знали об этом, – Ольвин опять с ногами забрался на стул, – вот когда я её вылечу, я вернусь.

– А если нет?

– Нет так нет. Знаешь, мне нравится такая жизнь: новые города, новые люди, даже новая мебель.

– Но ты ведь можешь привязаться к кому-то? Полюбить, в конце концов?

Он потянулся за банкой с вареньем, глядя, впрочем, не на банку, а на меня.

– Я непривязчив.

И это прозвучало жёстко. Я понял, что свою непривязчивость он выстрадал. Через полминуты он снова светился изнутри и приветливо улыбался, но этот взгляд я запомнил.

– Слушай, Мартин, чем ты собираешься заниматься?

– Вообще-то... – я слегка изобразил смущение, – я хотел попроситься в вашу труппу. Вам не нужен ещё один артист? Сальто я крутить, конечно, не умею... ну а пройтись на руках или пожонглировать яблоками, пожалуй, получится. И ещё я петь могу, правда.

Ольвин оказался очень доволен моим признанием:

– Я тебе сам хотел предложить. Понимаешь, нам для комедии нужен ещё один человек, ты как раз подойдёшь.

– И кого же я буду играть?

– Рабыню-эфиопку.

– О боже! Ты считаешь?..

– Всё будет отлично, Мартин, мы намажем тебя ваксой.

– А всё остальное тебя не смущает?

– Всё остальное в самый раз!

Он смеялся надо мной просто и беззлобно, сильный такой, плечистый, я и сам знал, что я не атлет. И я был совсем не против подурачиться и поучаствовать в этом весёлом представлении, наверняка простонародном и совершенно примитивном.

– Смейся-смейся, – проворчал я для виду, – посмотрим, что скажет Нолли!

Потом на кухню зашла Изольда. Она была в платье, умытая и причёсанная. По тому, как она улыбнулась, я понял, что смущаться ей нечего, потому что она совершенно ничего не помнит. И мне, стало быть, лучше всё забыть. Но я не забыл.

– Вы уже здесь? Я пришла готовить завтрак, а они уже едят!

– А что такого? – удивился Ольвин.

– Доброе утро, – вставил я, мне очень хотелось поймать её взгляд и хоть что-нибудь в нём прочесть кроме материнской заботы.

– Мартин, – сказала она чуть ли не с упрёком, – неужели я вас вчера плохо накормила?

– Ласточка, ты готовишь прекрасно, – ответил за меня Ольвин, – просто мы обжоры.

– Бедные детки, грызут одно печенье! Что вам разогреть?

– Подожди, – он встал и осторожно взял её за плечи, – ты сегодня ещё наготовишься.

– Да?

– У нас будут гости вечером. Надо же познакомить Мартина и Нолли с нашими друзьями?

– Понятно... Пирожки, гусь с капустой... этот вечно голодный Сильвио тоже будет?

– Конечно.

– Тогда ещё и котлеты.

Нолли открыла глаза, когда я вошёл.

– Где ты ходишь! Я просыпаюсь, а тебя нет! Это невыносимо!

– Ну чего ты испугалась?

– Иди ко мне, поцелуй меня, съешь меня! – Иногда эта малышка становилась хищной кошечкой, и мне это нравилось. – Господи, как я тебя ненавижу!.. Я некрасивая, да? Ты просто забыл, какой я могу быть красивой! Мартин, ну где ты? О чём ты думаешь?

– О тебе, – соврал я.

Я думал о белой тигрице, потому что опять вдыхал запах смолы, впрочем, недолго. Через минуту я думал только о Нолли.

– Ненавижу тебя, – сказала она раз, наверное, в сотый.

– Ты так часто это повторяешь... – заметил я. – Если я услышу, что ты меня любишь, то пойму, что между нами всё кончено.

– Всё когда-нибудь кончается, – вздохнула она, – я тебе не сказала... я видела вчера в толпе одного типа, это был человек Андорма.

– Он узнал тебя?

– Конечно.

– Почему ты сразу не сказала?

– Зачем?

– Мы ушли бы из Тарлероля.

– Куда?

– Лесовия большая!

– Я устала! Пусть будет, что будет, я не могу больше скитаться! И потом, меня тут удочерили, ты слышал?

– Слышал, – вздохнул я, – а меня, кажется, усыновили.

Солнце уже заглядывало в окна. Если зажмуриться, то можно было представить, как оно медленно поднимается над лесом и над городом, перебирает сосновые иголки и черепицу на крышах. Я приподнялся на локте и снова рухнул в кровать. Глаза слипались.

* * *

– Который час? – спросила Нолли, потягиваясь.

– Шесть утра.

– Кошмар, как рано!

– Домохозяйки уже встали.

– Надеюсь, ты не забыл, что я графиня?

– Как можно, мадам, ну что вы! Я как раз собирался предложить вам поваляться до полудня. Вы меня ненавидите или как?

– У тебя же глаза слипаются!

– Ну, это потому, что вы отвернулись от меня к стенке, графиня.

– Тогда ненавижу!

На этот раз она была ласковым котёнком...

– Я думал, вы уже никогда не встанете, – засмеялся Ольвин, когда мы наконец спустились вниз в гостиную.

– А мы аристократы, – проворчал я, – нам положено.

Простоватый у меня был вид, да и лицо, но благородство Нолли было не скрыть. Наполовину я уже не врал, и мне вообще почему-то не хотелось врать этому гостеприимному горбуну с ясными глазами.

– А смотреть город вам положено? – спросил он насмешливо.

– Конечно! А дождя не будет?

Дождя не было, и город был очень красив, и было солнечно, и тепло, и даже весело, но я теперь знал, что Нолли уже заметили, и всё время невольно оборачивался, чтобы убедиться, что за нами никто не следит. Нолли же держалась вполне беззаботно, проявляла интерес, поддакивала Ольвину, смеялась и так восхищённо округляла глаза, как будто и вправду никогда не была в Тарлероле. Интересно, что бы сказал её «святой» Ольвин, если б узнал, что она родом из этих мест?

Замолчи, Ольвин! Зачем ты ей всё это рассказываешь, она лучше тебя всё это знает: и про самую большую в мире библиотеку, и про историю двенадцати фонтанов, и про университет, и про аллею Победителей, и про Тарльский лес, и про Чёртову мельницу, и про Крепость Белых сов.

Я вдруг понял, что не могу этого видеть. Какого чёрта, в самом деле? Никто не заставлял её так притворяться. Что это? Кокетство? Проба сил? Неужели ей самой не тошно от этой комедии – обманывать и без того доверчивого человека?

– Пошли домой, – не выдержал я, – в глазах рябит от этих красот.

Женщины переглянулись и побежали к фонтану умываться. Мы были в университетском парке, где на газонах запущенно росли астры, дорожки лет сто не подметались и всюю уже пламенела рябина. Ольвин сорвал гроздь и спрятал в карман.

– Уже красная. Холодная будет зима... Мартин, что ты всё время дёргаешься?

– Ничего, всё в порядке.

– Как знаешь.

До дома он меня больше ни о чём не спрашивал. Я тоже перестал оглядываться, в конце концов, плевать я на них всех хотел. А Нолли этот самодовольный кретин всё равно не получит. Никогда!

Дорога шла под уклон, в ремесленные кварталы, всё чаще стали попадаться оборванные чумазые дети и голодные псы, улочки становились всё уже, а людей на них всё больше. Краины во всех городах были в общем одинаковые, что здесь, в Тарле, что в Алонсе, что в Триморье, что в моей родной Озерии.

* * *

Изольда чистила овощи. Она сидела на табуретке, а вокруг неё стояла дюжина кастрюль с морковкой, свёклой, луком, очистками, прочей ерундой и с водой разной степени грязности. По стенам висели разделочные доски, ковши и сковородки, из приоткрытых полок выгляды-

вала посуда, на столе лежала тушка гуся, гора зелени и стояла тьма всяких баночек с приправами.

– Хозяйка, я дрова принёс, – сказал я торжественно.

Она кивнула.

– Спасибо, детка. Положи в углу.

– Почему детка? – возмутился я. – Ты всего на три года старше.

– Ты как Ольвин, – сказала она, – вы даже чем-то похожи.

Интересно, чем?

– Ольвин тоже не детка, – сказал я недовольно.

Она улыбнулась. Я сложил дрова в углу аккуратной стопкой. Мне страшно хотелось сделать в этом доме что-то полезное, я поискал, что бы такое приколотить или подправить, но всё было в порядке, хозяин попался добросовестный.

– Тебе помочь?

– Как хочешь.

– А сколько народу будет?

– Человек семь. И нас четверо.

Я вооружился ножом и устроился на маленькой скамеечке, я смотрел на неё снизу вверх, как младший на старшего. Её это забавляло. Лицо её было неувовимо: при каждом повороте и наклоне головы оно казалось иным: то удивительно правильным и красивым, то обычным и даже неприятным. Это была шутка неправильных черт лица, неправильных слегка, ровно настолько, чтоб не испортить, но сделать её не похожей ни на кого на свете. В общем, на лицо её, как на огонь и волны, можно было смотреть бесконечно.

– А что делает Нолли?

– Они с твоим братом заперлись в его комнате, а меня прогнали в кладовку за дровами.

Что ты на это скажешь?

– Скажу, что они подружились, и это замечательно.

– Подружились?

Я чувствовал, что здесь что-то не так, что Нолли перестаёт быть сама собой, когда говорит с ним, что такой восторженной и кроткой эта дерзкая самолюбивая девочка никогда не была и никого она никогда не слушала со вниманием, кроме себя самой.

– Мартин, неужели ты ревнуешь? – совершенно искренне удивилась Изольда. – Разве можно ревновать к Ольвину? Впрочем, я тебя понимаю: Нолли девушка необыкновенная, красивая и, если я не ошибаюсь, из богатой и знатной семьи. Я бы на твоём месте тоже ревновала её к каждому столбу. Хотя и понимала бы, что это глупо.

– Так ты догадалась, что она богата?

– О! Для этого не нужно большой проницательности. Достаточно и моего скромного житейского опыта.

– А я? Не из богатой и знатной семьи? Что говорит твой скромный житейский опыт?

– Он говорит, что ты или студент, выгнанный из университета, или вечный подмастерье.

По правде сказать, я удивляюсь, как тебе удалось увлечь такую девушку... Подай лук, пожалуйста.

Я подошёл к столу, попутно выглянул в окно, выходившее во внутренний двор, и увидел то, чего там никак не могло быть. Посреди гуляющих кур и цыплят, на фоне старого дощатого забора стоял, как призрак, белоснежный лемурский жеребец, тонконогий, длинногривый, с лучистыми чёрными глазами. Потом из сарая вышел точно такой же красавец угольно-чёрной масти. Я зажмурился и помотал головой.

– Хозяйка, у меня галлюцинации.

– Что там?

Изольда встала и тоже заглянула в окно. Почему-то слегка смутилась:

– Это Икар и Дедал. Наши лошади.

– Однако акробат живёт не по средствам, – заметил я.

– Это всё, что у нас есть, – сказала она, – нам ведь часто приходится переезжать.

– Послушай, если акробат может купить лошадей, на которых ездит царица Триморская и Эрих Третий, то я срочно учусь крутить сальто!

– Это подарок.

Собственно, у уличного артиста и на такой дом денег не должно было быть. И на переезды тоже. Я решил не отставать, хотя Изольда явно не желала откровенничать.

– Интересно, кто же в состоянии делать такие подарки?

– А что такого? – пожалала она плечами. – Говорят, Эрих Третий дарит своим фаворитам лошадей из чистого золота с изумрудами вместо глаз. А тут – просто два жеребёнка.

И она отвернулась. Я не стал уточнять, кому именно неизвестный благодетель подарил баснословной цены жеребят: ей или её брату. Я только спросил, который тут её.

– Дедал, – сказала она, – чёрный. Но я мало езжу. Ольвин их выгуливает почти каждый вечер. Он ездит к реке или на Сонное озеро, там очень красиво.

– Но это, кажется, владения барона Оорла?

Изольда посмотрела на меня и неожиданно лукаво улыбнулась.

– А пусть догонят!

В это время из сарая вышел Ольвин с седлом – старым и потёртым, которое красавцу Икару явно не шло и красноречиво говорило о нынешних доходах хозяина.

– Ты меняпустишь на час? – спросил он сестру.

– Можешь и Мартина прихватить, – ответила она, – по-моему, он разбирается в лошадях.

– Ему понравились наши лошадки?

– Особенно сёдла, – уточнил я.

Акробат моей иронии не заметил.

– Бери второе, – улыбнулся он и кивнул на дверь сарая.

Я вылез в окно.

Кони неслись быстрее ветра, им не хватало только крыльев. Это были те минуты, когда мы, маленькие люди, могли чувствовать себя чуть ли не богами. Давно мне не было так легко и просторно! Летели облака, деревья, просеки, летела под копытами дорога, уводя всё глубже в лес, всё дальше от города.

Дорога становилась всё уже, еловые лапы уже хлестали по плечам и загорали солнце, кусты малины стояли необорванные. Мы устало и довольно переглянулись, и я заметил, что Ольвина переполняет такое же тихое, необъяснимое счастье. Оказывается, можно быть счастливым и с горбом на спине, если есть лес, а в лесу озеро, если есть дорога и отличные кони, чтобы мчаться по ней, и если тебе никто не мешает всем этим наслаждаться. Никто. Это главное.

Мы свернули на тропу к Сонному озеру. Начались знакомые места. Я был здесь два года назад. Мой хозяин, граф Андорм, гостил у барона Оорла в замке, он не столько охотился, сколько ухаживал за его молоденькой дочкой, на которой через год женился.

Она мне тогда не понравилась, показалась глупой и надменной, а отец её вообще внушал трепет. Нравились мне только её изысканные наряды. Я столбенел, глядя на алмазные россыпи на платье, на изящные линии декольте и воротника, на кружевные манжеты, на высокий головной убор, расшитый серебром. Я смотрел на неё как на красивую куклу, не больше. Я даже придумал тогда маленькую песенку о том, как одна такая кукла ожила, сбежала от хозяина и стала роковой женщиной. Пошленькая была песня, но господам нравилась.

Озеро своим спокойствием и зеркальной чистотой навевало сон. Несмелые волны тихо лизали песчаный берег. На востоке небо было тёмное, а лес светло-салатовый, с розовыми стволами, подсвеченный косыми лучами заходящего солнца. На западе была обратная картина:

небо ещё голубое, по-летнему ясное, а лес чернеющий, непроницаемый, грозный. Я стоял по колено в воде и крутил головой то вправо, то влево. Ольвин уже окунулся:

- Ну, ты чего? Ныряй!
- Нырнуть-то не долго.
- А что?
- Я же из Озерии. Для меня озеро – это не просто водоём.
- А, понял! Священнодействие. Тогда я уплываю!
- Подожди!

И я бросился в эту священную воду и поплыл. Я знал, что на том берегу должен быть большой плоский камень, ровный и гладкий, как постамент, разогретый за день солнцем, на нём хорошо лежать, раскинув руки, смотреть на сосновые лапы и облака и ни о чём не думать. Чёрт возьми! Я здоров, я молод, я свободен, я никому ничего не должен, я могу говорить, что хочу, петь, что хочу, сочинять, что хочу, не оглядываясь на то, понравится это какому-то самодовольному истерику или нет. Как я мчался сюда на Дедале! А теперь рассекаю воду. А потом найду мой камень, лягу на него, как два года назад, но никто уже меня не найдёт и не пнёт сапогом под ребро. «Какого чёрта! Мы уезжаем!»

- Пльвём назад, Мартин?
- Мы же почти доплыли! Там есть такой гладкий камень...
- Мы опоздаем. Изольда будет сердиться.
- Она это умеет?
- Ещё как!
- Ладно, тогда в другой раз.

На берегу я его рассмотрел: тонкий, но широкоплечий, с сильными руками, среднего роста, если б не горб, был бы, наверное, высоким.

- Ты часто тренируешься?
- Приходится каждый день. Сила ещё остаётся, а гибкость пропадает тут же.
- Слушай, а почему ты стал акробатом?

Ольвин шнуровал башмаки, но прервался и посмотрел на меня.

– Ты про это? – Он показал на свой горб и усмехнулся, мне стало неловко от своего вопроса. – Назло, – сказал он, – понимаешь, захотелось владеть своим телом. Да и выхода другого нет: если не тренировать мышцы спины, можно и совсем скрючиться.

- Ты с рожденья такой?

– Да. Поговаривают, что моя матушка нагуляла меня с каким-то бродягой, пока отец воевал под Алонсом. Она меня ненавидела до самой своей смерти, хотя делала вид, что любит. Деспотичная была женщина. Её медведь задрал в лесу.

О матери он говорил безо всяких эмоций, с холодной иронией, деловито завязывая шнурки. «Я непривязчив!»

- А отец? – спросил я, ожидая ещё большего презрения.

Но Ольвин задумался, посмотрел на небо, потом на озеро, потом в землю.

– Он слишком многого от меня хотел. Сам он человек слабый и ранимый, но самолюбия хоть отбавляй. Захотел сделать из меня «настоящего мужчину».

- Это как?

– А это в его понятии – сильный, целеустремлённый и неразборчивый в средствах. Чтобы все боялись.

- Понятие времён Эриха Второго.

– Отец воевал под его началом и был ему предан и душой и телом. Соответственно, все черты короля: жестокость, грубость, властность, прямолинейность – казались ему высшими добродетелями. Король – это пример для подражания. Тогда многие так считали. Это сейчас другой король и другая мода, да и воюем меньше, всё больше развлекаемся!

– Так может, твой отец уже переменял свои взгляды? – спросил я. – Его образец настоящего мужчины благополучно скончался, причём недалеко от того места, где мы с тобой сидим. И не спасла его ни воля, ни целеустремлённость.

– Он не из тех, кто меняет свои убеждения, – ответил Ольвин, – до сих пор ставит свечки за упокой своего незабвенного Эриха. Он по натуре раб, ему нужен кумир, пусть даже и мёртвый.

– Ты что, его видел?

– Странно, да? Что поделывать, я навещаю его иногда, отец всё-таки. Изольда об этом не знает.

– А ты его не боишься?

– Я от него никак не завишу. И потом, я теперь сильнее его. Кстати, Мартин, нам давно пора домой.

Обратно ехали не спеша, лес постепенно остывал от дневного зноя, но закат с вечерней прохладой были ещё далеко. Мы опаздывали, но какая-то блаженная усталость не позволяла двигаться быстрее. Ольвин наконец вышел из задумчивости, в которую его ввели, очевидно, мои расспросы об отце, и вспомнил обо мне:

– А ты уже бывал в этих местах?

– Приходилось. Я служил тогда графу Андорму, а он зять барона Оорла.

– Андорм? Столичный франт, если я не ошибаюсь?

– Один из любимцев короля. Но король переменчив, как женщина, в последнее время мой граф не очень-то в чести при дворе.

– До нас тоже иногда доходят дворцовые сплетни.

Ольвин выразительно поморщился.

– Тебе не нравится наш король? – усмехнулся я.

– Мне кажется, у нас вообще нет короля, – ответил он. – Эрих Второй был жестокий человек, но он хотя бы не разбазаривал казну так бездумно и бездарно, как его сыночек. Его боялись. Он знал, чего хотел и как этого добиться, и если б Оорл не постарался...

– Ты же только вчера уверял, – напомнил я, – что барон Оорл тут ни при чём, а Эрих Второй умер в ваших краях от сыпной лихорадки?

– Здесь нас только двое, – ответил он, – и мы в лесу. И тебе я не советую больше никого об этом спрашивать.

– Не буду, – сказал я, – но ведь это так?

– А какая нам, собственно, разница? – посмотрел на меня Ольвин. – Ничего уж не исправишь и короля не воскресишь. У нас даже университет закрыли, потому что денег на науку нет. И на армию – нет. Зато на пиры и представления – есть! Вот так и живём.

– Ты сам даёшь представления, – заметил я, – и нынче это позволяет. То-то артистов расплодилось!

Этого он отрицать не мог. Эрих Третий благоволил к искусству во всех его проявлениях. Быть артистом, художником, музыкантом стало модно и даже доходно. Люди устали от бесконечных войн и хотели зрелищ. Они хотели видеть красоту, ловкость, возможности человеческого тела. Они хотели смеяться. И они платили за это звонкой монетой.

– Артисты разные бывают, – сказал Ольвин, – мы-то честно в поте лица свой хлеб зарабатываем. От нас казна не обеднеет.

– Интересно, о чём будет ваша пьеса? – спросил я.

– Вот вечером и узнаешь, – усмехнулся он, – кстати, цветов надо нарвать. И побольше! Иначе нам с тобой влетит за опоздание.

Предложение было весьма разумное. Он только не знал, что я не люблю слушать чужие сочинения. Я люблю рассказывать сам.

* * *

«Это было много-много лет тому назад. В одном королевстве один очень знатный вельможа, скажем, граф, приехал в свой охотничий замок с целью весело провести время...»

Я уже сто лет не рассказывал сказки! Я их все перезабыл и ни одну в последнее время не сочинил до конца. Мне слишком беззаботно жилось! Сказки сочиняют от тоски. От неустрашенности, от невозможности что-то изменить в этом мире. Одни сочиняют, другие слушают, а потом забывают. И те и другие.

О чём это я начал? Граф со своей свитой приехал поохотиться. Замок стоял в глубоком лесу у подножья гор. Темнело быстро, ветер налетал внезапно, шумно раскачивал макушки сосен и до утра ломился в окна, как будто за ним гонятся. А вместе с воем ветра из глубин чащи долетало иногда страшное рычание, грозное и тоскливое одновременно, ни один зверь так не рычал...

– Ты никогда раньше эту сказку не рассказывал, – шепнула Нолли, – что-то новое?

Я засмеялся: я ещё сам не знал, о чём пойдёт речь. Только видел в глазах у всех ожидание чего-то интересного. Славные у Ольвина были друзья, только я никак не мог запомнить их имён. С ними было хорошо и просто, от чего я совершенно отвык, и мне захотелось внести в их разноголосый весёлый и, в общем-то, бестолковый гомон немножко грусти, так, чуть-чуть, на кончике кисти. Да, мне было грустно, как и любому другому, если он вдруг побывает в тех местах, где любил когда-то. Или не любил? Чёрт его знает, что это было за чувство!

– Мартин, что дальше?

Это спросила Изольда, и я наконец понял, для кого я рассказываю. Для этой серьёзной хозяйки, которая зовёт меня деткой и ничего не знает в жизни, кроме своих кастрюль и сковородок. У которой нет ни мужа, ни детей, ни постоянного дома, только горбатый брат, а глаза у неё зелёные, как у кошки, а имя холодное, как она сама. Изольда! И вовсе ты мне не нравишься, Изольда, ты немолодая и некрасивая, и усталость тебя портит, и этот широкий воротник, и губы у тебя тонкие, и щёки впалые, и под глазами синие круги, и не поймёшь ты меня никогда, и не оценишь, потому что ты просто домохозяйка.

– Так кто это рычал?

– Местные жители утверждали, что это белая тигрица, но никто в такие сказки не поверил: ни граф, ни его приятели. Считалось, что белая тигрица живёт очень далеко, в другой стране, где много снега и оленей, на которых она охотится, если вообще существует. Впрочем, граф был человеком любопытным, он прочесал всю округу и забрался даже в горы в поисках тигрицы. Её нигде не было. А потом смолк и рёв по ночам.

Изольда отвернулась. Что-то ей в моей сказке не понравилось, или какая-то другая, более важная мысль пришла ей в голову, зато Ольвин слушал более чем внимательно. Нолли смотрела на него.

– Вы, конечно, слышали, что белая тигрица – существо особое.

– Выдуманное, – добавил Ольвин, и тон его мне не понравился.

– Конечно, – сказал я, – кто же спорит? Конечно, выдуманное, это же сказка, правда, Нолли?

– Он ещё не то придумает, – усмехнулась Нолли, и я понял, что за белую тигрицу мне от неё влетит.

– Так вот, эта белая тигрица повелевает всеми животными, птицами и деревьями, – пояснил я, подумал, вспомнил кое-что и добавил: – И камнями, пожалуй, тоже. Она – царица леса. Существует поверье, что, если человек напьётся её крови, он станет всемогущим.

– А он станет тигром или человеком?

– Тигром. А может, человеком. Не знаю. Это же ещё никому не удавалось.

– А что твой граф? – спросил Ольвин.

– Решил, что всё это выдумки. Через неделю все уже забыли об этом. Но вот однажды произошёл совершенно невероятный случай. Граф решил устроить пикник. На поляне, прямо перед замком. Развели костры, расстелили скатерти, наелись, напились и стали распевать песни. Темнело...

Надо сказать, что у графа был придворный музыкант, которого Бог голосом не обидел. Он был не так уж пьян. Звёзды горели ярко, ели качали лапами, а с берёз тихо облетали жёлтые листья. Ему вдруг надоело петь пошлые песенки преимущественно о том, как жёны изменяют мужьям, а мужья жёнам, и он запел в полный голос что-то совсем другое, мелодичное и печальное, как будто он один был в лесу. И лес застыл, и все замолчали, и кто-то ощутил своё ничтожество, кто-то пожалел о совершённых ошибках, а кто-то просто разозлился: «Не лезь в душу!»

Граф хотел веселиться. Он лежал на шкуре убитого медведя, одной рукой подпирая голову, другой наливая себе из бутылки вино. Рука дрожала, вино лилось на шкуру. «Лучше выпей и спой про соседскую собаку! Как там?...» Тут он заметил, что все с вытянутыми лицами смотрят в одну сторону. Он неловко повернулся, расплескал из кружки, выронил бутылку. На пригорке в синих сумерках, в отблесках костра сидел немислимой красоты зверь, большая белая кошка с горящими зелёными глазами, она высоко, по-королевски, держала голову и обвивала себя хвостом.

Долго никто не мог даже пошевелиться. Она была восхитительна! Только когда она в три прыжка скрылась в чаще леса, граф понял, что он осёл. Надо было стрелять! Стрелять, а не тарашиться на неё, как на привидение! Удача была так близко! Зверь сам вышел из леса прямо к замку, ничего не испугался: ни людей, ни ядовитых стрел!

Что же там было дальше? Ничего-то я как следует не помню! Нет, почему же... могу вспомнить, если захочу. Потом они все переругались, потом поняли, что надо устроить ей ловушку. Тигрица пришла на голос – придёт и ещё. Надо посадить музыканта, дать ему в руки лютню, сесть в засаде, а главное – лишних свидетелей убрать, а то всем не хватит. Их будет только трое: граф, барон Оорл и ещё один отвратительный тип с алмазной серьгой в ухе. Нарцисс – так он себя называл. Но о нём как-нибудь после...

Господа всё решили. Я понимал, что со мной никто считаться не собирается, но что-то же я значил в этой истории! В конце концов, она же ко мне приходила, как они этого не могли понять? Андорма я уже ненавидел, Нарцисса – ещё нет, а барон Оорл своим мрачным видом внушал только страх и никакой симпатии. Меньше всего мне хотелось угождать этой самодовольной троичке.

Я почти не спал в ту ночь, я не мог смириться с мыслью, что она придёт на мой голос, такая гордая, такая прекрасная и загадочная, и они её убьют. Пощадила же она меня тогда, на Орлиных камнях, так неужели же я допущу, чтобы она из-за меня погибла!

Когда рассвело, я спрыгнул с балкона и направился в лес, я надеялся, что тигрица сама меня найдёт, причём раньше, чем я заблужусь окончательно. Осень тогда только начиналась, трава желтела пучками, а листва – прядями. Однообразный зелёный лес зажёгся всеми красками, красота его дозрела и настоялась, подошла к самому своему пику перед увяданием. Было сухо, было тихо, было ещё почти темно. Я шёл, загребая ногами яркие листья с коричневыми подпалинами и жёлтую хвою, и на душе было зябко. Я злился, волновался, пинал носком ботинка круглые сосновые шишки и оборачивался на любой шорох. Ну где же ты? Где?! Я тебя не боюсь! Ты где-то здесь, я знаю! Ну появись, пожалуйста! Я только тебя предупрежу, и всё! Мне же ничего больше не нужно!

Я дошёл до Сонного озера. Над озером стоял утренний туман, на берегу лежал плоский серый камень, гладкий, как постамент, рядом – поваленная сосна корнями к лесу, ветками в воду, ещё зелёная. Я сел на неё, уже прикидывая, как мне объяснить своё отсутствие Андорму.

Хотелось есть. Хотелось сидеть в тишине и смотреть на водную гладь. И уж никак не хотелось возвращаться. Потом из кустов напротив вспорхнули перепуганные птицы, сердце моё оборвалось. На берег вышла она. Пришла.

Я встал, потом снова сел, искал слова:

– Не приходи больше на мой голос. Тебя убьют. И вообще не подходи больше к замку, мало ли что.

Она села совсем рядом, в двух шагах, и смотрела своими кошачьими глазами, наклоняя голову то вправо, то влево. Изучала меня, не иначе.

– Что ты смотришь? Не такой уж я вкусный. Одни кости.

Тигрица облизнулась, очень кокетливо облизнулась и оскалила белые клыки.

– Не надо, – сказал я, – не пугай меня. Я и так знаю, что не самый смелый из людей. Иди лучше, я тебя поглажу. Ты же кошка?

На этот раз мне показалось, что она усмехается, зелёные глаза её смеялись. Хорош же я! Со страху предложил этой царице лесов кошачью ласку, ещё бы сказал: «Кис-кис!» Она не кошка, она тигрица. Зверь, дикий лесной зверь.

– Ладно, красавица, мне пора в замок, скоро хозяин проснётся. Но смотри, я тебя предупредил.

Я встал. Она отпрыгнула в сторону, ударила хвостом о землю и мощными прыжками скрылась в зарослях орешника. По дороге назад меня просто трясло от волнения, и я никак не мог осознать, во что же это я впутался.

Нарцисс стоял по пояс раздетый и умывался из ручья. Он был молод и красив – по-женски утончённо. Я ещё не понял тогда, чего в нём больше, надменности или детской восторженности. До вчерашнего вечера я для него не существовал. Теперь он сам меня окликнул:

– Полей-ка мне на спину.

Я черпал пригоршнями прохладную воду и поливал его узкую спину, вода стекала по загорелой шее на его длинные чёрные кудри. Мне даже показалось, что я женщину поливаю.

– Послушай, на твой голос даже звери сбегаются! Откуда ты такой взялся?

– Из Озерии.

– Я так и подумал.

Он обо мне думал! С ума сойти!

– Разотри-ка меня.

И я растёр его изнеженное тело полотенцем до красноты.

Вечером мы сидели с ним на лесной поляне у костра, у меня была лютя, а у него лук наизготовку, копьё и сеть. Оорл и Андорм спрятались тут же, в засаде. Больше свидетелей не было.

– Пой, – велел Нарцисс.

– Что?

– То же, что вчера. Или что-нибудь похожее.

Я ненавидел их всех троих. Я ненавидел бы их ещё больше, если б не был уверен, что она не придёт.

– Вам не жаль её?

– Жаль? – Он искренне удивился. – Я об этом не думал.

Так, с удивлением на лице, он и остался сидеть. Я вдруг понял, что могу петь то, что я хочу, а не то, что хотят другие. Раз уж я только приманка в этой игре, то хоть попою от души! И голос мой вырвется, как птица из клетки, и мелодии мои полетят в темноту леса и звёздное небо, и слова мои прозвучат, даже если никто не захочет их понимать.

Слушайте, охотники, слушайте, звери, слушайте, птицы, слушайте, случайные путники и ты, белая тигрица! Вот эту песню я сочинил в Триморье на берегу Лазурного Залива, и мелодии в ней как волны, приливают и отливают в каждой строке. Вот здесь надо петь очень громко,

звонко, так, чтоб даже зажмуриться, а здесь – тихо, почти шёпотом, потом задумчиво, а потом опять во весь голос, весело и бесшабашно. А эта песня пришла мне в голову в церкви, она похожа на молитву, я никому её ещё не пел, у меня у самого от неё голова кружится! И пусть кто-нибудь только скажет, что я не талантлив!..

Нарцисс смотрел на меня в упор стеклянными чёрными глазами, про лук и копьё он давно забыл, чего я, впрочем, и добивался.

– Я ничего подобного не слышал.

– Это моё.

– Ты бог! – заявил он восхищённо.

А потом сделал вещь совершенно невыносимую: взял мою руку и поцеловал. Я тогда не знал, что он выбрасывает и не такие номера, и воспринял всё это серьёзно. Совершенно уверенный в своей гениальности, я позволил ему облобызать свою музыкальную кисть.

– Нарцисс! – заорал из кустов граф. – Ты что делаешь?! Это всё-таки мой музыкант!

Нарцисс оторвался наконец от моей руки, упал на спину и громко рассмеялся. «Негодяй, – подумал я, – шут гороховый!»

Я отложил лютию, потеряв всякое желание петь дальше. Нарцисс сел в молитвенную позу и сделал серьёзное лицо.

– Ты рано родился, – сказал он глубокомысленно, – на миллион лет раньше. Разве можно достучаться до наших звериных душ? Разве понимает тебя этот самоуверенный болван граф Андорм, которому ты служишь, или пьяницы из его свиты? Или этот каменный исполин Оорл? Ему бы только воевать...

Мне эта его игра в восхищение уже надоела. Я отвернулся.

В кустах слева был виден белый силуэт! У меня сразу напряглись все мышцы, я стиснул кулаки и закусил губу. Пришла всё-таки! Она медленно вышла на середину поляны, потянулась, покрутилась во все стороны, как бы демонстрируя своё кошачье изящество, и села, надменно приподняв подбородок. Нарцисс отполз ко мне, забыв про свой лук и по-детски изумлённо дёргая меня за рукав:

– Смотри, смотри!..

Я оттолкнул его и бросился закрыть тигрицу от сидящего в кустах Андорма. Из кустов вылетело сразу две стрелы, они беззвучно стукнулись обо что-то невидимое и упали к моим ногам. Она не шевелилась. Точно так же отлетело, спружинив об это невидимое препятствие, и копьё. Она была неуязвима. А я боялся!

– Отойди, урод! – закричал в бешенстве граф Андорм. – Или я тебя продырявлю, скотина!

Он выскочил из кустов, за ним последовал мрачный барон Оорл. Тигрица рывкнула на них, и они медленно попятнулись туда же, откуда вышли. Теперь моему хозяину было не до бешенства, его охватил ужас, особенно тогда, когда их спины упёрлись в невидимую преграду. Они поняли, что отступить некуда.

Тигрица шла на них, скаля зубы. Тогда граф совсем уж запаниковал и завопил визгливым, бабьим голосом, я и не подозревал, что он способен так визжать:

– Дурак! Что ты стоишь! Скажи ей! Она же сожрёт нас, тварь! Останови её!

Я, конечно, крови не хотел. Кровь, война, охота – это не по моей части. Я упал перед ней на колени и обнял за шею:

– Не надо! Стой! Хватит, ну хватит же! Они больше не будут!

Она остановилась, такая мягкая, такая разгорячённая в своей злости, и рывкнула на них так грозно, что у меня уши заложило! Потом отпрыгнула в сторону, оглянулась, оскалила напоследок зубы и скрылась в темноте. И я сидел на траве оглушённый, и сердце моё гулко стучало, и в глазах было темно. А когда я поднял голову, то получил удар плёткой по лицу, короткий,

жгучий, свистящий. Андорм стоял надо мной, бледный от страха и ярости. Он замахнулся ещё раз, но стоявший рядом барон Оорл выхватил у него плётку, сломал её и швырнул в сторону.

– Опомнись, граф!

– Я убью его!

– Я тебя сам убью, – сказал я, подбирая копьё, – ещё ни одна сволочь не хлестала меня по лицу, ты понял?!

Конечно, я был слабее, я не воин, но мне тогда казалось, что я пригвозжу его копьём к берёзе, словно букашку.

– Что?! – вытаращился Андорм. – Да ты...

К нам подбежал Нарцисс. Я впервые увидел, как его буквально трясёт от возмущения. Все мы были хороши в тот момент!

– Ах ты, дрянь! – закричал он. – Ты на кого замахнулся! Да я тебя растопчу, я тебя сгною, я тебя по стенке разотру, придурок! Ты что, не видел?!

Он просто задыхался от злости, его чёрные глаза метали молнии, подбородок трясся, зубы стучали. Они с бароном растащили нас в разные стороны.

– Ты что, не видел, я тебя спрашиваю, что я у него в ногах валялся?! Он мой! Он гений! С этой минуты ни один волос с его головы не упадёт, понятно?!

На этот раз он не шутил. Яростно надышав в лицо ошеломлённому Андорму, он отвернулся и, не глядя на меня больше, взял барона под руку, почти повис на нём:

– Пойдём, отец. Не получилась наша охота...

Барон повёл его медленно и осторожно, молча, но с потаённой отцовской нежностью. Я давно заметил, что этот женоподобный взрывной мальчишка, пожалуй, единственная его слабость. Даже к дочери своей Оорл так не относился. А Нарцисс, тот вообще никого не любил, кроме самого себя.

– Истерик! – пробурчал ему вслед Андорм.

Сам он был немногим лучше. Мы остались вдвоём у догорающего костра. Разнимать нас было больше некому.

– Я не прощу тебе этого никогда, – сказал я.

– Пойдём лучше напьёмся, – предложил он, – только вдвоём. Как раньше. И ты будешь петь мне песни. Мне, а не этому сопляку.

– Как раньше не получится.

В нём происходила какая-то борьба, лицо всё время дёргалось, и выражение его было неуловимо, меняясь от презрения до досады. Я ждал, чем же эта борьба завершится.

– Я тебя жду в гостиной на третьем этаже, – сказал он наконец, как будто ничего не произошло, – и не забудь свою люгню, – отвернулся и тоже направился в темноту.

И я остался один.

* * *

«Неделю он приходил на берег к серому камню, но тигрица больше не появлялась...»

Нолли тихо встала и поднялась по лестнице на второй этаж, оттуда она ещё оглянулась на меня, перегнувшись через перила, перед тем как исчезнуть совсем. Первым моим желанием было броситься за ней, особенно после того, как я увидел её смертельно бледное, с дрожащими губами лицо, но потом решил, что мне порядком надоели её капризы и что ревновать меня к прошлому тем более глупо, что сама она в это же самое время была невестой моего графа.

Ради этой голубоглазой статуэтки с белыми локонами Андорм забросил и друзей, и охоту. Меня эта надменная юная дама замечала не больше, чем клопа, правда, после истории с тигрицей стала бросать в мою сторону любопытные взгляды.

Обиделась! Похоже, что даже испугалась. Чего, собственно? О ней тут не было ни слова. И не будет. И об отце её не будет, и о муже. Просто некий граф давным-давно полоснул плёткой по лицу своего придворного музыканта. А музыкант не был его рабом, он мог бы уйти на все четыре стороны, но держала его в этом мрачном замке белая тигрица, которая всё не появлялась. Уж и все тропы были исхожены, и все овраги облазаны, и все песни перепеты, но нигде и следов не нашлось этой бестии!

Про меня как будто разом все забыли: и граф, и Оорл, и этот истеричный тип с серьгой в ухе. Графа развлекала Нолли, Нарцисса – его любимчик Кристофер, а Оорл в развлечениях не нуждался. Он часто запирался за железной дверью на третьем этаже, никого туда не пускал и не выходил на стук и крик, как будто проваливался куда. От скуки я пытался взглянуть на его окна со стороны леса, и это были четыре окна, в которых никогда не горел свет. Мёртвые окна. Если честно, то я даже пытался забраться туда по стене, она была, как нарочно, вся в уступах и трещинах, но дальше второго этажа не долезал – падал в лопухи. Потом мне это надоело.

Барон был неразговорчив, коренаст, широкоплеч, могуч, одним словом; густые волосы поседели полностью, а борода ещё оставалась чёрной. Такими же чёрными и пронзительными были у него глаза. Был бы я не музыкант, а художник – я б писал с него картины!

Однажды вечером выпал снег, неожиданный и преждевременный. Выпал, чтобы на следующий день без следа растаять, но то было на следующий день! Хлопья кружились на ветру, залепляли окна и падали на зелёную ещё траву. Слуги, которые пробегали без конца по внутреннему двору, оставляли на булыжниках торопливые грязные следы. Я был один в своей комнате, уныло смотрел на эту картину и думал, что белая тигрица на снегу не видна, зимой ей легче спрятаться, хотя она и так неуловима. Не хочет – и не приходит. Забыла обо мне. Всё началось очень красиво, а кончилось неизвестно чем. Пустотой и одиночеством.

Другое окно выходило на лес, он был прекрасен, как всегда, и безнадёжно бел.

Я чувствовал себя пленником в этой крепости, мне надоело шумное веселье, обжорство, тупые разговоры. В другое время я бы попросту напился, но сейчас и этого не хотелось. Я распахнул окно и долго стоял на ветру в одной рубашке, надеясь, что хоть холод меня встряхнёт и взбодрит. Снег летел в лицо.

Потом пришли люди Нарцисса и деловито потащили меня в его покои. Я всю дорогу упирался, потому что не люблю, когда со мной так бесцеремонно обращаются, но силы были явно неравны. Если этот тип хотел, чтобы я его развлекал, то совершил большую ошибку, так меня разозлив. Меня практически втащили за шкуру и швырнули к его ногам.

– Музыкант доставлен! – радостно отрапортовал тупоголовый капитан Тирри, которого я под конец всё-таки пихнул локтем под ребро. – Упирался, правда!

Нарцисс сидел посередине широкой кровати, рядом с ним лежали две или три женщины, одну из них, кажется, звали Эльва.

После доклада капитана он моментально вспыхнул:

– Что?! Упирался?!

– Ещё как!

– Так ты что, скотина, притащил его силой?!

– Я... я же...

Капитан был сбит с толку, впрочем, как и я.

– Дубина! Дрянь! Кретин! Сгною к чертям! – гневался Нарцисс, и, по-моему, только нагота не давала ему вскочить и вцепиться в бедного Тирри хищными руками. – Как ты посмел к нему притронуться?! Он бог! Ты что, не понял?!

Капитан, разумеется, даже не подозревал, что я «бог», он молча и медленно пятился к дверям, на лице было смятение.

– Целуй ему сапог! – рявкнул Нарцисс. – Я кому сказал! И убирайся отсюда к свиньям!

И мой сапог тут же облобызали. Удовольствия мне это не доставило, а врага я нажил себе наверняка. Я вопросительно смотрел на голого истерика, не понимая, зачем ему это нужно.

– Извини, – сказал он совершенно спокойно, словно кто-то другой орал тут, срываясь на визг, полминуты назад, – бестолочи кругом, сил нет... Проходи, садись.

Я сел на край кровати. Своими грязными штанами на атлас и кружева. Женщина подвинулась и погладила мою руку, она была не местная – из тех, что этот тип привёз с собой.

– Погода сегодня мерзкая, – сказал он, – я даже в лес сегодня не выезжал.

– Мерзкая, – согласился я.

– А завтра будет такая слякоть! Ненавижу слякоть... скоро уеду отсюда, всё равно никакой охоты, одна маета...

– Да, вы правы, здесь уже нечего делать. Даже пить надоело.

– Однако по такой жиже ехать – тоже мало удовольствия. У меня слишком большой обоз. Так что придётся развлекаться тут, пока не подсохнет.

Эта фраза ничего хорошего мне не сулила. Он желал развлекаться! Я наконец позволил себе отвести от него взгляд и увидел свою кислую мину в зеркале. Зеркал было много, куда ни повернись, очевидно, он приказал развесить их для самолюбования. Нарцисс – что тут ещё можно сказать? И не скрывает этого.

У меня не было желания его развлекать. Я был зол на весь свет и полон безысходной тоски. Я не понимал, что я тут делаю. Зачем я придумываю сказки, которые никто не слушает, зачем пишу песни, под которые все только обжираются и пляшут? Зачем, зачем, зачем мне это надо? Чтобы просто быть услышанным? Кем?! Этими пресыщенными господами? Сейчас этот тип пообещает мне полцарства, потом истерически заржёт, а потом забудет о моём существовании ещё на месяц.

– Ты чем-то расстроен? – спросил он внимательно, прямо по-отечески. – Что-нибудь случилось?

– Просто устал, – сказал я.

– Граф тебя больше не обижает?

– Нет. Хвала Господу, он, кажется, вообще забыл о моём существовании. Его интересует только Лючия Оорл.

– Ты думаешь, это заслуга Господа?

Теперь он усмехался. Самодовольно и снисходительно. Эльва преданно обняла его и поцеловала. У меня слов для ответа не нашлось.

Через минуту он от своей дамы оторвался и снова впился в меня стеклянными чёрными глазами:

– Завтра вечером я хочу устроить бал. В зале Предков. Никакого обжорства! Клянусь! Только танцы. Я обожаю танцевать! Так вот, поскольку здесь нет моего оркестра, ты возьмёшь всех музыкантов, какие тут найдутся...

– Да что я понимаю в танцевальной музыке?!

– Нет-нет! Я буду танцевать под твою музыку!

Как поёт, как поёт флейта!

Как взволнован её голос!

И встаёт за окном лето,

А в глазах у тебя холод...

Божественно!

Слух у него был хороший. Я ушёл, раздираемый противоречивыми чувствами, совершенно сбитый с толку. С одной стороны, мне было совсем не до увеселений, мне хотелось в

лес, в заснеженный холодный лес, к моей непостоянной тигрице. А с другой стороны, я был польщён, что ему, кажется, всерьёз понравились мои песни. Как будто самовлюблённый дурак, истерик, мальчишка, а ведь что-то понимает! Чёрт с тобой! Я устрою тебе праздник! Ты у меня будешь хохотать до слёз и падать от усталости. Веселил же я своего графа, развеселю и тебя!

Зал Предков был огромный, с низким потолком. В нишах молчаливо висели портреты и грозно стояли рыцарские доспехи разных эпох. Если б они вдруг ожили, то без труда перебили бы всю нашу праздную компанию. Факелы горели ярко, мозаичный пол блестел, портреты равнодушно взирали на танцующих.

В окна летели комья снега, а наш маленький сводный оркестрик изнемогал от жары и духоты. Разучить мы успели вещей десять и теперь играли все по второму и третьему разу.

Нарцисс танцевал с одной из своих дам, он был одет во всё красное, только плащ был белый, а волосы чёрные. Дама была в лиловом, она плыла по залу, как чёлн по гладкой воде, и не отрывала влюблённого взгляда от своего кавалера. В жизни не видел более красивой пары!

В перерывах пили вино и охлаждённые напитки. Обжорства действительно не было. Он сдержал слово. Граф пил много и не закусывал, его уже пошатывало, и капризная Лючия Оорл предпочла его покинуть. Она проделала это столь стремительно, что мы столкнулись с ней между двух пустоголовых рыцарей у выхода. У одного выпало копьё, я поднял его, удивляясь, какое оно тяжёлое, и сунул ему в железную перчатку.

– Люгня идёт тебе больше, – сказала Лючия Оорл.

– Я предпочёл бы королевскую корону, – отшутился я.

– Пока ты только король шутов, – усмехнулась она, отвернулась и быстро пошла по длинному коридору.

Кажется, я до сих пор не простил ей этой насмешки. Это было давно. Она была надменна и недосягаема. Я смотрел ей вслед, пока меня не схватил за плечо граф.

– Я женюсь на ней, – сообщил он.

– А мне-то что? – спросил я, высвобождаясь, у меня всё закипело внутри от его прикосновения.

– Ну хватит, Энди! Ты что, всё ещё сердишься?

Я повернулся к нему, но вовсе не затем, чтоб увидеть его мутные, пьяные глаза.

– Посмотри на моё лицо.

– Ты и так слишком хорош. Один шрам тебя не испортит.

– Дело не в этом. Я не раб твой. Я свободный человек.

Граф усмехнулся криво и отвратительно, он смотрел на меня как на глупого щенка и сказал примерно то же, что и Марциал незадолго до смерти:

– Свободных людей нет. Мы все чьи-то рабы. Запомни, всегда есть тот, кто сильнее, и он чихал на нашу с тобой свободу! Чтобы быть свободным, глупый озерский мальчишка, надо быть очень и очень сильным. Как барон Оорл, например. У него государство в государстве. Его предки награбили столько, что он не нуждается в королевских подачках. Ни один герцог не может себе позволить держать такую армию... ему плевать на всех, он преспокойно убил Эриха Второго, а Эрих Третий его боготворит. Думаешь, он ничего не знает?.. А у тебя есть такие деньги? У тебя есть такое войско? Твои рассуждения о свободе мне просто смешно слушать! Чего бы она стоила, если бы за тебя кое-кто не заступился! Иди к чёрту, Энди, и считай, что тебе повезло!

– Тут дело не в везении, – сказал я зло.

– А в чём же? – тоже зло спросил он.

Тут меня прорвало!

– В том, что я талантлив, – объявил я, – Бог дал мне больше, чем вам всем, вместе взятым.

И всё будет так, как я хочу!

Я сразу же пожалел о сказанном, потому что Андорм был не так пьян, как хотел казаться. Он протрезвел тут же и чуть не пригвоздил меня взглядом к стенке.

– Да, ты талантлив, – сказал он хмуро, – и тебе везёт. Но смотри, как бы твоя свобода не обернулась ещё большим рабством. Сдаётся мне, ты уже летишь в пропасть, Энди Йорк...

Он удалился шатаясь. У меня пылало лицо. То ли от возбуждения, то ли от жары. Этот праздник измотал и опустошил меня, слишком много я в него вложил стараний, слишком долго веселил этих господ с надменными лицами и пустотой в глазах.

Я вышел на балкон и задохнулся от прохлады и свежести. Боже! Как тихо и холодно! Какие яркие звёзды над лесом! Жаль, что они меня не слышат. И никогда не услышат. Моя песня до них не долетит. Мой голос растает в глухом лесу. Мои слова не достучатся до звериных душ. Мои слёзы не растрогают застывшие деревья. Мои рассказы не взволнуют неподвижные камни.

Тогда зачем мне жить? Зачем не спать ночами, не бросая пера, не гася свечи, подбирая рифмы, терзая струны? Зачем всё это, если меня никто никогда не услышит? Да, всё так красиво и мудро устроено в природе, но ты уже катишься в бездну, Энди Йорк! Господи, прости меня!

Свет из окон хорошо освещал свежий снег под балконом. И следы большой кошки на нём. Я смотрел на них долго, ещё вчера я бы бросился по ним прямо в лес в одной рубашке. Но то было вчера. Я отступил назад и закрыл за собой дверь.

Праздник продолжался!

Ночью по всему лесу разносился звериный вой, похожий на плач. Иногда он слышался совсем рядом, потом снова удалялся, тоскливый, душераздирающий. Под утро я не выдержал, оделся потеплее и отправился в тёмный ещё, мокрый от талого снега лес. Следы её исчезли, я шёл наугад, без остановок и почти не оглядываясь.

Скоро мне показалось, что за мной кто-то следит. Я обернулся, никого не увидел, снова обернулся – снова никого. Стало как-то жутко. Потом я услышал слабый хруст веток, чуть не вскрикнул и заметил в зарослях ёлок два горящих зелёных глаза. Она вышла не сразу, сначала насладились моим испугом, потом выпрыгнула на тропу и презрительно рявкнула на меня. Это за то, наверное, что я ушёл вчера с балкона.

– Иди сюда, – сказал я устало.

Тигрица только фыркнула и исчезла в еловых зарослях, но когда я уже опустошённо сидел на корявом пне и тупо ковырял прутиком мокрую землю, она вернулась. Она была до того хороша, что нестерпимо хотелось её погладить, хотя бы дотронуться до неё. Зелёные глаза насмешливо щурились, уши стояли торчком, а передние лапы переступали по опавшим мокрым листьям, как по растерзанной добыче. Мы долго смотрели друг на друга, потом тигрица стала пятиться, и я понял, что она предлагает мне следовать за ней.

Я думал, что уже хорошо знаю этот лес, но через полчаса окончательно потерял всякую ориентацию. Тигрица уводила меня всё дальше от замка, в сторону гор. Она то вырывалась вперёд, то оглядывалась и ждала, пока я подспею. Я устал от этой гонки и весь взмок, всё что мог снял или расстегнул, в глазах рябило, ноги заплетались, и самому мне было непонятно, за какой такой истиной я иду?

Тигрица нырнула в пещеру, как оказалось, узкую и бесконечную, как труба, я двигался за ней, слепо доверяясь ей, хотя и боюсь, как и все остальные, замкнутого пространства. Под ногами было сыро, сверху за воротник падали холодные капли, пахло плесенью, не было видно ни зги, и сердце стыло от бессознательного ужаса. А если я навсегда останусь в этом каменном склепе?

Свет ударил в глаза так неожиданно, что я чуть не ослеп. Узкая пещера впадала в большой зал, как речушка в море. Я долго жмурился.

Потолок был высокий и гладкий, с металлическим блеском. Свет исходил из треугольных отверстий в нём, словно там было спрятано по маленькому солнышку. Пол был из мягкого пористого материала всех цветов радуги. Мне немедленно захотелось сбросить замызганные сапоги, но я с ужасом заметил, что грязь сама всасывается в пол и исчезает без остатка!

Огромный зал был почти пуст. И он был заброшен. Это чувствовалось сразу, хотя бы по тому, как беспорядочно стояла и валялась мебель: диковинные стулья, кресла, столы, тумбочки и прочие предметы неизвестного назначения. Кресла были двух типов: маленькие и большие. Для людей и для тигров. Либо тигры дружили с людьми, либо сами принимали два обличия. Но это было давно, даже трудно себе представить, как давно!

Белая тигрица сидела на краю высохшего бассейна и следила за мной внимательными зелёными глазами. И я понял вдруг всё её пронзительное одиночество! И ужасный рёв её по ночам стал мне понятен. Рёв последней белой тигрицы.

Я обессиленно лёг рядом с ней на радужный пол, закрыл глаза от яркого света, даже не пытаясь понять, где я нахожусь, и почувствовал на лице своём её горячее дыхание, и протянул к ней руки.

* * *

Было поздно, гости устали, и я понял, что сказку пора заканчивать. К тому же Изольде она почему-то не нравилась. Именно Изольде, для которой я и старался. Я наскоро выдумал Замок Мертвецов, превратил тигрицу в прекрасную принцессу и провозгласил счастливый конец, как и положено в сказке. Все остались довольны и разошлись с миром.

Мы остались втроём в опустевшей гостиной: хозяева и сказочник. Изольда сидела по-прежнему в кресле у камина, Ольвин начал потихоньку убирать со стола. Он то уходил на кухню, то возвращался, а мы даже не пошевелились, чтобы ему помочь.

– Что-нибудь не так? – спросил я наконец.

Ольвин замер у меня за спиной.

– Я ненавижу белую тигрицу, – спокойно, даже слишком спокойно ответила Изольда.

– За что?! – изумился я.

Она сказала, глядя мне прямо в глаза:

– Белая тигрица растерзала нашу мать.

И пока я искал слова для ответа, она резко повернулась к брату и, опережая его, выкрикнула:

– Да! Да-да! Не смотри так! Мне надоело притворяться, что я ничего не знаю!

– Изольда, ты с ума сошла, – ласково, но с заметным напряжением заговорил Ольвин, – какая тигрица? Нашу мать загрыз медведь, а этой тигрицы вообще в природе не существует. Это выдумки. Вот и Мартин подтвердит. Правда, Мартин?

– Это только сказка, – подтвердил я, с досадой чувствуя, что снова вторгся в какую-то их семейную тайну и Ольвину давно пора меня вытолкать за дверь из своего дома. Развлёк хозяев!

Господи, как он на меня посмотрел, оглянувшись только на секунду! Я всё понял: кто я есть и что натворил.

– Не считай меня за дурочку, Ольвин. Думаешь, кроме тебя, свидетелей больше не было?

– Врут твои свидетели, – сказал он жёстко, – а ты веришь. Кому это ты веришь больше, чем родному брату?

– Родной сестре.

– Что? Нашей сестре?!

– Да. Она всё видела! И я не понимаю, Ольвин, какая разница? Почему ты так хочешь выгородить эту тварь?

Я получил в награду ещё один уничтожающий взгляд и предпочёл тихо удалиться. На душе было скверно. Самое ужасное, что она действительно могла растерзать кого угодно!

А в комнате меня встретила бледная от гнева Нолли. Я уж и забыл, какой она бывает в гневе.

– Я тебя ненавижу, – тихо сказала она, и я понял, что это уже в прямом, а не в переносном смысле, – я ненавижу твои глупые сказки, я ненавижу твою тигрицу! Ненавижу эту тварь!

– Нолли, что с тобой? – спросил я, еле сдерживая раздражение. – Объясни спокойно.

Но она и без моих вопросов уже не могла остановиться:

– Ему ещё надо объяснять! Ты что, забыл, что мы в Тарлероле? Что это совсем рядом с замком Оорла? Думаешь, здесь никто не слышал этой истории? Если тебе не терпится, чтобы нас поскорее нашли, походи и всем объяви, что ты Энди Йорк, а я Лючия Оорл!

– Я сказочник. Обыкновенный сказочник. А ты моя жена. И мне никакого дела нет до того, что на самом деле тут произошло с каким-то Энди Йорком. Я придумал сказку, и это ещё не повод меня ненавидеть.

Она закусила губу и со стоном отвернулась. Её трясло от злости и отчаяния, причины которых мне понять было не дано.

– Уйди...

Я ушёл. Чтоб испить чашу страданий до конца, постучался к хозяину, решил теперь послушать, что скажет он. Он сидел над толстой книгой, испещрённой непонятными крючками, и писал что-то в блокнот.

– Бить будешь, хозяин?

Ольвин обернулся, и по его взгляду я с облегчением понял, что он уже не злится, а если и злится, то никогда этого не покажет.

– Одного только не пойму, – сказал он со вздохом, – почему ты попал именно в мой дом? Именно ты и именно ко мне?

– Клянусь тебе, что совершенно случайно!

– Значит, Господь Бог играет с нами злую шутку.

За окном догорал поздний июльский закат. Вчера вечером в это же время мы постучались в первый попавшийся дом. И почти сутки Энди Йорк чувствовал себя совершенно счастливым в этом доме, ему показалось, что он нашёл наконец то, что ему нужно. Наверное, ему показалось.

– Что у тебя за книга? Надеюсь, это не секрет?

– Медицинский трактат на древнехарейском.

– Ого! И ты понимаешь по-древнему?

– Понимаю, как видишь.

– И зачем тебе это надо?

– Чтобы вылечить Изольду, разве не ясно?

– Ольвин, и ради этого ты выучил древнехарейский?!

Не знаю, чего у меня в тот момент было больше: удивления, восхищения или недоумения. Не понимал я такого самопожертвования и такой любви всего-навсего к сестре. Ольвин усмехнулся:

– Не учил я его.

– А как же? – окончательно запутался я.

– Это у меня врождённое, – сказал он буднично, – я сам об этом не подозревал, пока не узнал случайно. В одном богатом доме, где увлекались древними реликвиями, я увидел осколок амфоры с надписью. Там было написано: «ОЛ КО ВЕ БЕ». Молоко овечьё, в общем.

– Но так же не бывает, Ольвин.

– Вот как? То, что мне с рожденья достался горб, почему-то никого не удивляет! – Он усмехнулся. – Может, Бог пожалел меня в последний момент и наградил такой способностью?

В придачу! Если б отец об этом знал, может, лупил бы меня меньше?.. А впрочем, нет. Он же делал из меня Эриха Второго, а тот не знал древнехарейского!

Я подвинул книгу к себе, чтобы рассмотреть. Она была тяжёлая, с выцветшими и вытертыми пергаментными страницами и абсолютно непонятная. Любопытство моё заставило меня заглянуть и в блокнот, но в его торопливом почерке я разобрал только одно знакомое название: «Долина Двух лун».

Ольвин прислушался к шагам в коридоре, он уже не усмехался, на лице его была тревога.

– Ходит, – сказал он почему-то шёпотом, – как бы с ней опять это не случилось после твоей сказки. Ей нельзя волноваться.

Я захлопнул книгу:

– Мы завтра уедем.

– Что?

– Уедем. Завтра утром.

– Не выдумывай, Мартин. Я вовсе не хотел тебя обидеть. Я просто боюсь за неё больше, чем допускают приличия... Извини... слышишь? Пошла на кухню!

Постепенно и мне передалась его тревога. Я вспомнил вчерашнюю ночь и Изольду в ночной рубашке с безумными глазами, похожую на вставшую из гроба покойницу, которая вызывает и жалость, и суеверный страх одновременно. Что-то брякнуло внизу и со стуком упало на пол. Мы сорвались с места и кинулись на кухню.

Она сидела с тряпкой на полу и вытирала лужу.

– Боже, что с вами?!

– А с тобой?

– Чайник уронила. Ну и что? Чего вы так испугались, детки?

Нам ничего не оставалось, как нервно рассмеяться.

Нолли не спала, она молча смотрела, как я раздевался, и я всей кожей ощущал, что она меня до сих пор ненавидит. За что, хотел бы я знать!

– Мы завтра уедем, – сказал я, вытягиваясь под одеялом, – если кто-то и догадается, что ты Лючия Оорл, то мы всё равно будем уже далеко. Хозяев я предупредил.

Она тихо обняла меня, уткнулась носом в плечо и заговорила всхлипывая:

– Мартин, это я во всём виновата. Ну зачем ты меня слушаешь? Я дура, просто дура! Я боюсь за нас обоих... И потом... неужели ты не понимаешь, что я просто ревную тебя к твоей тигрице! Я не могу о ней слышать, не могу! Ты мой! Я люблю тебя! Да и что я без тебя? Мне назад пути нет.

Я уже растаял, мне много не надо. Две слезинки, мокрый носик, нежный голос, надутые губы...

– Всё, всё, всё, Птичка. Уедем и всё забудем.

Она замотала головой:

– Не хочу!

– Чего не хочешь?

– Уезжать отсюда. Мне никогда ещё не было так хорошо, как здесь!

– Мне тоже, – признался я.

* * *

Помост получался большой. Тори и Сильвио приколачивали последние доски, своим стуком они мешали мне петь, я орал для большей громкости, но лютню было почти не слышно. Песенки я пел самые незатейливые, под которые Ольвину, Касью и Марианне было веселей кувыркаться. Люди подходили и уходили, удовлетворив своё любопытство, но любопытных было много, и мы всё время находились в плотном кольце.

В это время дома Изольда и Нолли шили костюмы и занавески. Гостиная была завалена тряпками, как лавка старьевщика. Гости собирались почти каждый вечер, мы репетировали, давась от хохота, и расходились за полночь. Я уже стал забывать свою прежнюю жизнь. Я быстро перерождился из придворного музыканта в уличного. Я был свободен, что бы там ни утверждал граф Андорм! Я сам бедняк и пою для бедных. Как всё просто! Правда, меня опять никто особо не слушает, но это уже можно пережить. Уж лучше так, чем в золотой клетке.

Иногда возле нас останавливались и знатные особы, и даже сама герцогиня Алоиза Тарльская. Нас это не смущало. Нам было весело и как-то на удивление легко. Я опасался только появления барона Оорла: он мог меня узнать и оставить от меня одно большое мокрое место, но его, к счастью, не интересовали подобные зрелища.

В полдень Изольда принесла корзинку с едой. Мы уселись на помосте и развернули салфетки. Главное было схватить лучший кусок побыстрее, пока не подospel обжора Сильвио. Я успел.

– Наконец-то ты перестал стучать, – сказал я ему с облегчением, – шум толпы кажется тишиной после твоего стука!

– Ах, какой ты нежный мальчик! – отозвался он, запихивая в рот немислимой величины кусок. – Я ж тебе не по голове стучу!

– Ты ему петь мешаешь, – вступилась за меня Марианна.

– Да у него просто голоса нет, – засмеялся Сильвио, а вслед за ним и все остальные.

– А у тебя – слуха, – проворчал я.

Сильвио меня недолюбливал, и я не разобрался ещё почему. Он как-то сразу насупился, когда Ольвин меня ему представил, оглядел с головы до ног и сделал для себя какой-то вывод. Раз и навсегда. Я тоже его оглядел. Он был высокий и худой, с острым подбородком, с длинным насмешливым ртом, с большими впалыми глазами, слишком красивыми для его ехидной рожи, и с пепельными волосами, завитыми мелким бесом. С образом обжоры это как-то не вязалось, но потом я убедился, что аппетит у него действительно неужемный. Мне он не нравился тоже: рифмоплёт, бабник и пьяница.

Другое дело – Тори! Атлет, силач, молчаливый, белокурый красавец, недалёкий, но простой и добрый. Такие теперь редкость. Ольвин тоже его любил. Впрочем, Ольвин любил всех и никого. Он был «ничей». Его единственным слабым местом была его сестра, ради которой он и жил на этой грешной земле, скитался по разным городам, менял друзей и знакомых и сидел по ночам над проклятыми древнехарейскими трактатами.

Нолли боготворила его по-прежнему, но это перестало меня раздражать, потому что я понял, что ревновать к нему так же глупо, как к статуе Эриха Второго в Трире на Дворцовой площади. Да меня и самого к нему тянуло. Не знаю почему, не знаю как, но я искал его дружбы.

Я лениво растянулся на горячих необструганных досках. В голубом небе медленно проплывали обрывки облаков и сияли золотом шпили Ратуши и костёла святой Гертруды, чуть ниже краснели черепичные крыши с трубами и флюгерами, ещё ниже отражали солнечный свет окна. А на земле суетились люди с корзинками и мешками. Я жмурился, как сытый кот, и смотрел на них сверху вниз.

Я сам удивлялся, что мне так хорошо жить на этом свете. Неужели это то, что мне нужно? То, к чему я шёл всю жизнь? То, зачем создал меня Господь? Простые друзья, простые радости и простые трудности. И я тоже, оказывается, простой и обыкновенный, и ничего мне больше не надо: ни особой судьбы, ни особой любви, ни особых покровителей. И белой тигрицы не надо!

Да кто мне сказал, что я должен прожить какую-то необыкновенную жизнь? Просто Бог дал мне талант, и я тащу этот крест на себе чуть ли не с рождения! Я должен, я обязан... а кому?

Энди Йорк поёт на рыночной площади! Энди Йорк живёт в ремесленном квартале! Энди Йорк уже давно ничего не сочиняет! Энди Йорк подружился с уличными артистами! Кошмар... Энди Йорку нравится одна домохозяйка, которая, кроме котлет, ничем не интересуется, шьёт,

вяжет, кормит кур... Энди, что с тобой случилось, после того как ты переступил порог этого дома? Неужели умер? А может, оно и к лучшему? Мятущийся, самовлюблённый, продажный, порочный, гениальный Энди Йорк умер! И чёрт с ним, не жалко! Меня зовут Мартин. Я не выдумываю больше сказок, я не пишу песен, у меня нет голоса... и я свободен!

Когда спала полуденная жара, мы снова выступали. Как назло, в первом ряду стояла девушка невысказанной красоты, так похожая на женщин моей родной Озерии, что у меня защемило сердце. Всё, что я только что для себя решил, моментально рухнуло. Предательский Энди Йорк сразу ожил во мне и потянул куда-то далеко-далеко, к синим озёрам, к мачтовым соснам, к Орлиным Камням, к белой тигрице. Тут же захотелось встать, всё бросить, всё начать сначала, с самого начала! Мешок за плечи – и в лес! Заблудиться, затеряться, взвыть от одиночества, исколоться, испараться, исхудать, устать до тошноты... и тогда придёт Оно. Вдохновение. И тогда весь мир мой, и космос мой, и всё моё! И сам я – белый тигр!

Сильвио стучал молотком. Ольвин и Касьо перекидывали тоненькую Марианну из рук в руки, как игрушку, Изольда сидела на перевёрнутой корзине и хлопала громче всех. Я допел куплет и спросил у неё, кто эта маленькая синеглазая богиня в первом ряду.

– Даная Доминици, – коротко ответила Изольда и уничтожающе усмехнулась.

Я был презираем. Я не знал, кто такая Даная Доминици! Я восхищался ею просто так, слепо и глупо, и вынужден был признать, что Господь Бог тоже гений в своём роде и тоже может, если захочет, создать совершенство, хотя бы и в образе женщины.

Ольвин устало сел рядом со мной, вытер пот с лица и глотнул из фляги.

– Ну и народу сегодня!

Я наклонился к его уху:

– Ольвин!

– Что?

– Я не могу молчать! Посмотри, какая девушка в первом ряду! Когда я на неё смотрю, меня тянет на подвиги! Да ты не туда глядишь! Вон же она.

Ольвин уже глядел куда надо.

– Замечательная девушка, – согласился он, – если хочешь, я тебя с ней познакомлю.

Такого ответа я не ожидал. Я думал, этот книжный сухарь хотя бы вытянет лицо от изумления и признает наконец, что кроме его сестры на земле есть и другие женщины, достойные внимания, с синими, как озёра, глазами, с лебединой шеей, с тяжёлыми чёрными косами...

– Ты её знаешь?

– Да. Это дочь башмачника Доминици. Наша местная красавица. Герцогиня Алоиза приблизила её к себе и осыпает милостями, как родную дочь.

Только тут я заметил, что за спиной у неё стоят два холёных телохранителя, а отделка на платье слишком тонка для простой горожанки. В ней было что-то от принцессы и от служанки одновременно. Губы сложены капризно, подбородок надменно приподнят, а глаза добрые и кроткие.

– Познакомь, – сказал я.

Когда представление закончилось, Даная Доминици уже исчезла. Публика разошлась, солнце покраснело и зацепилось за шпиль костёла, оно медленно и лениво таяло, как масло на сковородке. Снова хотелось жить. Долго и счастливо. Ярко. Необыкновенно. Так, как никогда не получалось, что бы я ни делал.

А потом пришли домой, я умылся тёплой водой, наелся, напился, растянулся на кровати, и мне уже ничего не хотелось. Я был снова сытый домашний кот, всем довольный и ласковый, и сосновым лесом моя комната уже не пахла – она пахла сладкими пирожками и яблоками. И что это со мной случилось там, на площади?

– Энди, я сегодня видела отца, – шёпотом сказала Нолли.

Я сел:

– Когда?

– Когда ходила к портнихе. Он выезжал от герцога. Очень злой. Опять что-то не поделили!

– Он тебя не узнал?

– Я спряталась за угол.

Вид у неё был совершенно несчастный, хоть она и бодрилась. Никогда она ещё не казалась мне такой маленькой и беспомощной! И никогда я не давал себе труда подумать, что будет с ней дальше, с ней, а не со мной. Сегодня я уже изменил ей. В душе. Мне ничего не стоит изменить ей и на самом деле. Я не привык сдерживать свои желания, я слишком себя люблю, я порочен и развращён, хоть и пою о высоких чувствах. Это только слова, слова и музыка.

– Боже мой, – сказал я с отчаянием, – Лючия, ты же ни в чём не виновата...

Она покорно выносила мои торопливые поцелуи, золотые волосы её были распущены, я погрузил в них руки, я уткнулся в них лицом, я вдыхал их аромат и заметил вдруг, что у самых корней они не золотые, а чёрные.

– Ты красишь волосы? – удивился я.

– Ну и что?

Нолли почему-то смутилась и отсела от меня на другой край кровати.

– Ничего, – сказал я, – просто раньше я этого не замечал.

– Ты много чего не замечаешь, – усмехнулась она, – потому что интересуешься только собой.

– Неправда, – возразил я, – ты сама со мной никуда не ходишь.

– Может, мне ещё и выступить с тобой на площади?

Я не стал отвечать, мне показалось, что мы сейчас опять поссоримся, слишком уж часто в последнее время это случалось.

– Иди ко мне, – сказал я, – или ты меня уже не любишь?

– Я тебя ненавижу, – вздохнула она.

Утром мы узнали, что дружина Оорла устроила в городе погром. Было много убитых и раненых, горели дома и деревья, костёлы и лавки... и наш помост в том числе. На сожжённой рыночной площади больше нечего было делать.

Мы стояли на пепелище, Нолли прижималась ко мне так отчаянно, словно была виновата в поступках своего отца. Мне нечем было её утешить, мне самому было тошно оттого, что всё так скоро и неожиданно оборвалось по прихоти вздорного барона. Ещё вчера я казался себе таким счастливым и независимым. А вот завишу. Очень даже завишу!

Ольвин водил носком башмака по пеплу. Лицо его было серое.

– Дождётся Оорл... – процедил он сквозь зубы.

– Он вчера уезжал от герцога очень сердитый, – сказала Нолли, – не поделили что-то, наверно.

– Он был здесь?!

– Да. Я сама видела.

Ольвин на секунду отвернулся, видимо, чтобы скрыть от нас выражение лица, совладать с которым был не в силах. Оорла он знал. Знал и ненавидел. Я в этом не сомневался. Что-то связывало этого уличного акробата и всемогущего барона, которому даже король не указ. Что? Смерть Эриха Второго? Изольда? Или, может быть, белая тигрица? Я ещё раз поразился, что судьба привела меня именно к нему.

– Идите домой, – сказал он, взяв себя в руки, – в такое время лучше не высовываться, а я пойду узнаю, что они там не поделили с герцогом.

– Я с тобой, – заявил Сильвио.

– Нет, – Ольвин покачал головой, – на этот раз я пойду с Мартином.

– Ну и катись к чёрту!

– Сильвио...

– Я сказал, к чёрту!

«Дурак, – подумал я, – всё равно он ничей. Он один на всех, как икона в церкви. Просто я надоел ему чуточку меньше, чем ты. Дурак ты, Сильвио!»

Все пошли в одну сторону, а мы в другую. Мы направились в центр города, ко дворцу герцога Тарльского, к белокаменной громаде, обнесённой высокой ажурной оградой, заржавевшей, но всё ещё красивой. Со стороны парка в ней была дыра из выломанных прутьев, так обычно случалось со всеми оградами.

Мы оказались в цветущем саду. Это был обыкновенный рай на земле, какие любят устраивать себе сильные мира сего. Светило солнце, благоухали розы, тихо шелестели деревья. Словно и не было пожара, детского плача, женских воплей. Словно и не стояли мы на пепелище полчаса назад!

– Идём, – Ольвин тянул меня за рукав, мы осторожно пробирались между клумб с георгинами и кустов шиповника.

В одно из окон на первом этаже, полуоткрытое, с воздушной оранжевой занавеской, он тихо постучал. Девушка, которая выглянула и приветливо улыбнулась, очевидно, была горничной.

– Даная у госпожи Алоизы, – сказала она.

– Позови, будь добра.

– Если госпожа её от себя отпустит!

Ждать пришлось долго.

Наконец она появилась в окне, девушка из мечты, из легенды о прекрасной и вечной любви. И тревога на лице, и отчаяние в глазах шли ей ещё больше, чем улыбка.

– Ольвин, какой ужас! – сказала она прежде, чем поздоровалась.

Они смотрели друг на друга чуть дольше и выразительней, чем просто знакомые.

– Ты не один? – Даная удивлённо взглянула на меня, а потом грустно улыбнулась. – Я, кажется, узнала. Это ваш новый музыкант. Он играет на лютне и на дудочке.

– Его зовут Мартин, – добавил я.

Она опять улыбнулась, но уже веселее.

– Мартин, – сказала она, – мне кажется, что ты можешь петь гораздо лучше. Я всё ждала вчера...

– Я не пою, я подыгрываю.

– Поёт-поёт, – опроверг меня Ольвин, по-моему, ему непременно хотелось, чтобы Мартин ей понравился, – и ещё сказки сочиняет. Заходи как-нибудь, послушаешь.

– Я приду. Обязательно приду. Только сейчас мне не вырваться. Представляешь, что тут творится? Герцог в ярости, хозяйка в истерике. Не до сказок, Ольвин.

Она снова стала серьёзной и встревоженной. Ольвин взял её за руки:

– Что, дело плохо?

– Дело идёт к войне. Они никогда уже не договорятся.

– А ты слышала, что они не поделили на этот раз?

Даная сдвинула чёрные брови, усиленно что-то вспоминая. Не думал я вчера, что увижу её в роли чёрной пророчицы.

– Барон хотел вернуть себе прежние земли. Но они уже два века относятся к Тарлю. Естественно, что герцог отказал.

– Какие? Дана, какие ещё земли?

– Ну как же?... Долину Двух лун, правда, я не знаю, где это.

– Он что, купить не мог?!

Даная вскрикнула, так сильно он стиснул её руки.

– Ольвин!

– Прости, – сказал он поспешно, – если б ты видела, что там на площади...

Она кивнула и скорбно поджала губы. Где-то я уже слышал это название. Долина Двух лун. Или видел... написанным в блокноте! Похоже, барон Оорл тоже читает древнехарейские трактаты!

Если б девушка в окне не была так прекрасна, мои мысли, возможно, выстроились бы в одну стройную цепочку и я бы уже тогда кое о чём догадался, но я только смотрел на неё и завидовал Господу Богу. Завидовал как автор, в том, что это он её выдумал, а не я. А я бы сделал её принцессой, я дал бы ей вечную молодость и дар ясновидения, она могла бы превращаться в большую чёрную птицу и летать над городом на закате солнца. И она обязательно полюбила бы одного уличного акробата, и он тоже любил бы её до безумия, а не делал вид, что это его совершенно не касается.

Но Господь Бог распорядился по-другому: Даная была всего лишь красивой игрушкой у своей госпожи, летать она не умела, чужих мыслей не читала и никого, наверное, не любила, она вообще не знала, что такое любовь. Ольвин был ей другом, а дружить с ним, чего уж там, хотели все.

Я смотрел на неё так вдохновенно, что она в конце концов улыбнулась.

– Мне кажется, я тебя уже где-то видела или слышала, – сказала она, – у тебя должен быть чудесный голос, я почему-то это знаю. Как у Энди Йорка.

Такое признание меня парализовало окончательно.

– А ты слышала Энди Йорка?

– Нет. Но моя хозяйка мне рассказывала. Она обещала взять меня с собой в Трир, чтобы я могла послушать... но, говорят, он сбежал.

– И прихватил с собой дочь нашего барона, – усмехнулся Ольвин, – надеюсь, это его последняя выходка.

Он опять держал Даная за руку, а она смотрела на него так же преданно, как моя Нолли, как Тори и Сильвио, как Изольда... она ловила каждое его слово, а в мою сторону поворачивалась, только когда он молчал. Она тянулась к нему, хотя сегодня он был хмур и взволнован, и солнечное сияние, которое обычно исходило от него, поубавилось. В глазах у него был пепел сожжённого города.

Я смотрел на него и чувствовал, как между нами стремительно вырастает пропасть, так неожиданно, так внезапно, так подло... и я опять остаюсь один.

– А может, я и есть Энди Йорк? – спросил я обречённо, потому что отступить как будто было некуда. – Тебе это не приходило в голову?

– Ты не Энди Йорк, – сказал он, оборачиваясь, – и я в этом совершенно уверен.

– Почему же? – удивился я.

– Во-первых, – он усмехнулся, – потому что ты не умеешь петь, а во-вторых... ну, какая тебе разница? Был бы ты Энди Йорк, я бы тебя на порог не пустил. Но ты, к счастью, не имеешь ничего общего с этим иноземным выскочкой.

Пропасть выросла до гигантских размеров.

– Да что ты о нём знаешь? – спросил я мрачно.

Ольвин пожал плечом:

– То же, что и все.

Спорить было бесполезно, тем более что он был прав. В своё оправдание я мог сказать только, что таланту позволено больше, чем простому смертному, но этого тоже ещё никто не доказал. Да и сам я всё-таки сбежал от такой жизни, и ничего мне уже не надо: ни власти, ни богатства, ни славы, ни всех сопутствующих удовольствий. Это всё иллюзии. А вот шрам на лице – это реальность, его не сотрёшь. Он жжёт. Он напоминает, что ты всего-навсего слуга.

Я бессознательно дотронулся до своей левой щеки и понял, что ненависть моя никуда не делась. Она со мной. Навсегда.

– Ну а если я всё-таки Энди Йорк? – усмехнулся я. – Я ведь тоже из Озерии, я скрываюсь, со мной красивая девушка, и я, в конце концов, тоже пишу песни. Всё сходится.

– Не всё, – улыбнулся Ольвин, – успокойся.

– Ты... в этом уверен?

– У меня есть на то причины. Но это мои личные с ним счёты и никого больше не касаются.

– У тебя? С Энди Йорком?! – Земля стала тихо уходить из-под ног. – Что он тебе сделал, Ольвин?!

Если б речь шла не обо мне самом, а о ком-то другом, я бы, наверно, пошёл и убил бы этого типа, я убил бы на месте даже того, кто повысил бы на него голос!

– Он негодяй и развратник, – спокойно сказал Ольвин, – вот что только я могу тебе сообщить. Но ты не волнуйся, я с ним сам как-нибудь разберусь.

Я лихорадочно вспоминал, где судьба умудрилась столкнуть нас раньше, но такого быть просто не могло! Я бы его запомнил! Или он что-то путал, или я сошёл с ума.

На прощанье Даная улыбнулась нам и помахала рукой, я мысленно поцеловал её в губы, и это как-то примирило меня с окружающей действительностью. Ольвин шёл не оборачиваясь.

* * *

Изольда вязала. Из всех помещений она предпочитала кухню и даже вязать приходила именно туда, поближе к своим кастрюлям. Горел камин, тускло отсвечивали дверцы буфета и развешанные на стене сковородки. Я сел ближе к огню, прямо на пол.

– Что случилось, детка? Тебя кто-нибудь обидел?

– С чего ты взяла?

– Показалось. В жёлтой кастрюле вишнёвый компот.

– Компот! Котлеты, жареная рыба... носки, варежки!

– Что с тобой, Мартин?

– Не верю...

– Чему не веришь? Что случилось?

– Это всё не твоё.

Я думал, она не поймёт, но она помрачнела и отложила вязание в корзину с клубками.

– А что моё?

– Да весь мир твой! Ходить босиком, купаться в море, лазить по ущельям, любить, мечтать... Ну какая ты домохозяйка? Посмотри на свои глаза: ты же дикая. Дикая кошка.

– Да, я знаю, – неожиданно согласилась она, – я сама это чувствую. Всё время тянет куда-то, хоть кричи. И сны снятся то про лес, то про горы. Это, наверное, от матери. Она была, как ты говоришь, дикая. Ты знаешь, если верить в то, что у каждого своё предназначение, то я, видимо, родилась для другой жизни. Потому и мучаюсь... Да нет, всё это чушь! Я такая же, как все, просто старая дева. Мне бы кучу ребятишек, я бы утирала им носы и ни о чём уже не думала... У тебя рукав порвался, снимай, я зашью.

– Ну вот, теперь рукав!

– Нолли не сердится, что ты подолгу сидишь со мной?

– Мы друг другу доверяем.

– Это замечательно. Такая любовь, как у вас, редко встречается, я вам даже завидую.

– А ты никогда никого не любила?

– Я, как и все девушки королевства, была влюблена в Эриха Второго. Но это было так давно!

– Я его видел только на портрете.

– Он был прекрасен. Говорят, Эрих Третий тоже очень красив, но не похож на него ни капли. Впрочем, всё это было несерьёзно. Один раз я влюбилась в священника. Он всё время прятал от меня глаза, наверное, я ему тоже нравилась. А потом мы уехали в другой город. А ещё мне нравился один аптекарь, но он был женат, у него было четверо детей...

Мы говорили долго, пока не пришёл Ольвин. Когда он заглянул, Изольда смутилась, наверно, потому, что я сидел у неё в ногах, да ещё и без рубашки. Раньше с ней такого не было.

Он только улыбнулся:

– Я помешал?

– Нет, – сказал я, но он уже понял, что здесь немного лишний.

– Ладно... ты зайди ко мне потом, хорошо?

– Конечно.

Изольда откусила нитку и протянула мне рубашку.

– На. Иди к нему, мне кажется, что-то случилось.

Я поднялся к нему в комнату.

– Представляешь, – сказал Ольвин, недоуменно пожимая плечами, – у меня пропала книга. Ума не приложу, куда она делась!

– Ох уж эта мне твоя тактичность, – вздохнул я, – скажи уж прямо, что у тебя её украли.

– Этого не может быть.

– Ты и вправду святой.

– Дело не в этом. Просто, кроме меня, её прочесть никто не сможет.

– Зачем читать? Всё равно она стоит немалых денег.

– Ты думаешь?

Ольвин нервно ходил из угла в угол, ссутулился и от этого казался ещё более горбатым.

– У меня в голове не укладывается!

– Когда это случилось?

– Ещё утром она была тут, значит, когда мы были с тобой у Данаи.

– Кто тут был без нас?

– Все. Касьо, Тори, Марианна...

– Может, это Сильвио решил над тобой пошутить?

– Хороши шуточки! Ты знаешь, как долго я искал эту книгу?

– Успокойся. Сначала надо перерыть весь дом, а потом делать выводы.

Он сел на диван, расстроенный вконец.

– Мои друзья не могли этого сделать.

– Эх, Ольвин, Ольвин...

Дом мы перевернули вверх дном. Все четверо. Но ничего не нашли. Хозяин, казалось, был смущён, что заставил нас заниматься этим безнадёжным делом, а мы были смущены, что ничем не можем помочь.

Нолли смотрела на него так виновато, словно это она украла книгу.

– Ольвин, хочешь, мы тебе за неё заплатим? У нас много денег, правда...

Когда я предлагал ему деньги, она меня чуть не убила.

– Таких денег у тебя нет, – усмехнулся он.

– У меня?!.. – Она чуть не задохнулась от возмущения: она была одной из самых богатых женщин Лесовии; потом закусила губу и убежала в нашу комнату.

– Добрая девочка, – сказала Изольда, – но тут никакими деньгами не поможешь. Ольвин! Да не расстраивайся ты так! Всё равно меня ничем не вылечишь. Это Бог забрал твою книгу, чтоб ты не убивал на неё свою молодость! Хватит, слышишь? Хватит! Мне ничего не нужно, Ольвин, мне всё равно, что со мной будет, я только связываю тебя по рукам и ногам! Хватит! Хватит!

Он вскочил, прижал её к себе, как ребёнка, и она оказалась совсем маленькой и хрупкой в его крепких руках.

– Я люблю тебя! Я всем тебе обязан, и я никогда тебя не оставлю!

Она затихла, потом вдруг оттолкнула его и пошла на меня, но меня она уже не видела. Взгляд у неё был отсутствующий. От неожиданности я попятился:

– Ольвин!

Он уже понял.

– Ей нельзя волноваться, – хмуро сказал он.

На этот раз Изольда очнулась только через двое суток. И хотя невменяемость её была довольно тихая, мы порядком измучились за это время. Она как тень бродила по всему дому, как будто искала что-то, чего не могла вспомнить.

Всё смешалось в голове: горящий город, пропавшая книга, болезнь Изольды, прекрасная Даная Доминици, необъяснимая ненависть Ольвина к Энди Йорку и его полная уверенность, что это не я.

– Хочу в лес, – сказал Ольвин в минуту затишья, когда сестра свернулась калачиком на полovice в гостиной, – и её надо непременно отвести в лес. Я плохой брат. Я слишком мало о ней забочусь.

– Извини, но куда уж больше?

– Пойми же, она всё для меня. Я урод. Меня ненавидели и отец, и мать. Если б не Изольда, я умер бы ещё в раннем детстве, – тут он засмеялся, – правда, может, это было бы и к лучшему!

Рано утром мы поехали в лес. Там было хорошо, в лесу не может быть плохо даже в дождь и слякоть, а уж летом, в конце июля, на рассвете!

Мы были втроем. Нолли не любила лес, и вообще она сказала, что пойдёт к портнихе. Изольда сильно похудела за эти два дня, она утопала в большом свитере, подпоясанном ремнём, и казалась совсем маленькой и хрупкой, или во мне уже говорила жалость к ней. Я боялся, что она, не дай бог, споткнётся или зацепится за какую-нибудь ветку и с ней опять случится это. Я невольно следил за каждым её шагом, я стал как Ольвин.

Грибы мы клали в корзинки, а малину прямо в рот. Её было слишком много. Было тихое солнечное утро, волшебный, оторванный от жизни, прекрасный мир, торжество души, тела и желудка! Можно было сколько угодно объедаться ягодами, валяться в траве, жмуриться от солнечных лучей, пробивающихся сквозь еловые лапы, и ничего не помнить, ничего!

В полдень набежали тучки, ветер встревоженно зашумел в кронах деревьев, дождь долго собирался, но, видно, раздумал. Я был бы рад и дождю! Мне давно уже не было так хорошо, казалось, что весь мир, кроме этого клочка леса, исчез. Его нет, а есть только я и мои новые друзья. И так будет вечно.

Пока я рубил колышки для костра, Ольвин куда-то исчез. Наверно, пошёл за дровами. Изольда расстелила салфетку, выложила на неё наши съестные припасы и села на перевернутую корзину.

– Ноги устали, – улыбнулась она, – мало хожу!

В широкой горловине свитера шея её казалась совсем тоненькой и беззащитной. Такими же беспомощными и тонкими выглядели кисти рук в растянутых отворотах рукавов. Она подтягивала рукава к локтям, но они снова соскальзывали.

– Мартин, детка, нож у тебя есть?

Я отнёс ей нож. Я опять сидел у неё в ногах и смотрел на неё снизу вверх.

– Ну какой я тебе детка?

– Не знаю, – проговорила она тихо и как будто даже огорчённо, – почему ты так смотришь?

– Не могу понять, какая ты, – сказал я.

– Какая?

– Лицо у тебя неуловимое. Вот так – красивое... так – не очень... а так – очень красивое...

Я как-то перестал замечать, что творится вокруг. Лесная поляна исчезла, мир сузился до нас двоих. Мы смотрели друг на друга, Изольда тоже меня рассматривала, словно видела в первый раз, удивлённо и настороженно. Она наклонилась и кончиками пальцев дотронулась до моего шрама.

– Что это, Мартин?

– Плётка, – сказал я.

– Кто тебя ударил?

– Так... один гнусный тип.

– Больно?

– Дело не в этом...

Она наклонилась и коснулась губами моей перекошенной щеки. Сердце заныло и заметалось, словно не знало, куда ему спрятаться.

– Это всё пройдёт, – говорила она тихо, целуя моё лицо, я закрыл глаза и боялся пошевелиться, – мальчик мой, всё заживёт и забудется, и всё будет очень хорошо...

Губы наши неминуемо встретились, и это было так пронзительно и сильно и так не похоже на обычную нежность, что мы испугались. Она первая опомнилась и закрыла лицо руками.

– Мартин, что мы делаем?! О господи!

– Изольда...

– Ну ладно я! Одинокая старая дева! Мне Бог простит... но ты-то?

– Изольда...

– О, боже... хорошо, что брат не видел!

Ольвин появился как раз вовремя. С охапкой хвороста.

– Где тебя носит? – проворчал я.

– Тут овраг в низине, там ключи. Я набрал во флягу. Хочешь?

– Давай.

Я пил родниковую воду и не мог напиться, она ломала зубы, но остудить тот горячий ком, что подступил к горлу, не могла.

С Изольдой мы больше ни о чём не говорили, только переглядывались. В зелёных глазах у неё была тоска и до боли знакомое пронзительное одиночество. Как у моей белой тигрицы.

Вернулись уже на закате, усталые и молчаливые. Ужинать не стали, а сразу разбрелись по комнатам. Нолли была в новом платье. Я что-то сказал о модном фасоне и завалился спать.

Мне снилась белая тигрица. Она ждала меня, она яростно рычала на весь лес, прыгала с камня на камень, разбрасывала лапами опавшую листву. Она была прекрасна.

Я проснулся, в комнате по-прежнему пахло смолой и хвоей. Сон прошёл, но зов остался. Нолли сидела рядом, обняв колени.

– Ты никогда никого не любил, кроме своей тигрицы, – сказала она каким-то безразличным тоном, и я понял, что разговаривал во сне, а может, даже кричал.

– Иди сюда.

– Пусти!.. Ты вчера уснул, и я не успела тебя обрадовать, что король в Тарлероле.

– Что?!

– И мой муж, разумеется, тоже. И мой отец. Они все о чём-то договариваются.

Она встала и медленно начала одеваться.

– Ты куда, Нолли?

– К белошвейке. У меня износилось всё бельё.

– Тебя проводить?

– Не надо.

Я даже обрадовался, что она ушла. Я понял, что мне нужно вернуться в лес. Меня звали. Во мне надрывался голос белой тигрицы.

Изольда, как всегда, была на кухне. В белом переднике, волосы заколоты, с половником в руках.

– Мартин, ты знаешь, что Эрих Третий в городе?

– Ну и чёрт с ним.

Мы сходились всё ближе и ближе, пока она не уронила свой половник. Я прижимал её к себе крепко, и никуда уже не хотел, и ничего не хотел, только обнимать эту тростинку и целовать её дрожащие губы.

– Ну что ты делаешь! – сказала она, вырываясь и снова направляясь к столу.

Я шёл за ней следом:

– Никого же нет.

– Ну как ты не понимаешь! – Она вспыхнула. – Я так не могу. Нолли же мне как сестра.

Да что я...

– Но я не люблю Нолли. Я люблю тебя.

– Ты с ума сошёл? Она твоя жена.

– Кто тебе сказал?

– Что?! – Изольда возмущённо распахнула и без того огромные глаза. – Что я слышу, Мартин? Ты увёз девушку от родителей и не женился на ней? Кто ты после этого? Как же ты мог?

– У неё есть муж, – сказал я, теряя терпение, я был готов ей всё рассказать, лишь бы она не смотрела на меня с таким презрением.

Изольда как-то сразу сникла и отвернулась.

– Всё равно это ничего не меняет. Она же тебя любит.

– А ты?

– А я просто стареющая одинокая женщина, вот и всё. А ты дразнишь меня...

– Ну что ты говоришь! – Я повернул её к себе, чтоб заглянуть ей в лицо, но она всё время отворачивалась. – Скажи, скажи прямо, разве ты не поняла тогда, что мы созданы друг для друга?

– Поняла, – вздохнула она, – я это ещё раньше поняла. Только не нужно ничего этого. Ничего у нас не получится.

Послышался скрип двери и лёгкие шаги Нолли.

– Хочешь, я скажу ей? – спросил я.

– Как ты можешь!

Когда Нолли заглянула на кухню, мы уже стояли в разных углах. Она была хорошенькая, голубоглазая, с золотыми локонами и белой бархатной кожей. Но самое ужасное, что она ни в чём не была виновата, а виноват был только подлый Энди Йорк, который сбежал с ней просто назло своему обидчику, который ударил его плёткой по лицу.

– Изольда, дай мне коня, – сказал я, глядя в пол, – мне нужно в лес.

– Коней нет, – ответила она, тоже не поворачиваясь, – Ольвин забрал обоих.

* * *

Я пошёл пешком, впрочем, это было и лучше, потому что мне предстояло лазить по пещерам, а такого роскошного коня было страшно оставлять надолго одного.

К полудню я подошёл к Сонному озеру, в те места, где встречался с моей тигрицей. Только тогда была осень, опавшая листва, серое небо, талый снег... и была она.

– Ты мне всё перепутала, – говорил я ей, погружая пальцы в белую шкуру, – я уже не знаю, чего я хочу! Я люблю тебя, но я же не могу жить с тобой в лесу! Я поэт, я музыкант, мне нужна публика, люди... много людей! Понимаешь?

И я видел в её зелёных глазах пронзительное одиночество, которое выворачивало душу наизнанку.

Больше я её не встречал. Никогда. Она отпустила меня, а я сам не знал, хочу ли я этого! Я опять метался по лесу, искал её целыми днями, кричал, ломал ветки, бил кулаками землю. Я почему-то был уверен, что никогда уже никого не полюблю, кроме неё. Да разве могла хоть одна женщина с ней сравниться? В каждой женщине есть что-то от кошки, но в кошке собрана вся женственность, какая может быть.

Помню, на третий день бесплодных поисков я был похож на живой труп. Темнело. Я уныло брёл из леса к замку. Проходя мимо тех четырёх окон, которые никогда не горели и за которыми прятался барон Оорл, я заметил, что туда кто-то карабкается по стене. Очевидно, не один я страдал любопытством в этом замке.

По узкой спине и чёрным локонам я даже в темноте узнал Нарцисса. И не удивился ни капли. От этого типа можно было ожидать чего угодно.

Он свалился, не дотянувшись до подоконника, и так и остался сидеть в липкой жиже, потирая ушибленное колено и тихо постанывая. Я подошёл поближе:

– Вам помочь?

Нарцисс обернулся:

– Это ты, Энди?

– Скорее, это мой труп.

Он пожаловался:

– Проклятая стена! Представляешь, третий раз падаю!

– Зачем вам это надо?

– Он негодяй! У него от меня какие-то тайны! Три часа оттуда не выходит!

Нарцисс встал и, к моему удивлению, опять направился к стене.

– Подсади-ка меня.

– Может, хватит?

– Подсади, я сказал!

Он карабкался и падал с непостижимым упорством. У него уже дрожали руки и ноги, окоченели пальцы и промокло всё, что может промокнуть, но он снова вставал, потирая то колено, то локоть, и шёл к стене. Я понял, что этот упёртый мальчишка успокоится только тогда, когда свернёт себе шею. По-моему, он уже просто отупел от своего упрямства. В очередной раз я не выдержал и отодрал его от стены.

– Хватит!

– Не твоё дело!

– Да перестань же, это безнадежно!

– Он негодяй!.. Пусти меня!

– Ну куда ты лезешь, чёрт возьми! Посмотри на себя! Посмотри на свои руки!

Боюсь, мне не удалось бы его уговорить, и он всё-таки свернул бы свою лебединую шею, если бы прямо над нами не распахнулось окно. Чёрное окно.

Мы молча попятнулись в лопухи и присели на корточки. Из окна вылез человек. Он был в капюшоне и двигался очень ловко, словно всю жизнь только по этой стене и лазил. Человек спрыгнул на землю, жижа чавкнула под его сапогами; не глядя под ноги, он быстро скрылся за углом. Потом мы слышали только конский топот.

– Ах вот как, – прошептал Нарцисс, – а я, значит, ничего не должен знать? Энди, помоги мне.

Он еле встал и еле шёл, ноги у него не сгибались, длинный шарф размотался и волочился по земле. Я проводил его к нему в покои. Нарцисс сбросил грязную куртку на пол, самолично снял сапоги и, шлёпая мокрыми носками по паркету, принёс из буфета бутылку вина и два бокала.

– Давай согреемся?

Я согласно кивнул. Вино было крепкое и сладкое, как конфета, оно сразу разлилось по уставшему, измученному телу и закружило больную голову.

Мы сидели на полу и сушили у камина ноги. За окном было уже совсем темно, там был чёрный мокрый лес, серое небо над ним и ни одной звезды на нём, и я вдруг услышал мелодию этого леса и этого старого мрачного замка, которая давно уже зрела во мне, но никак не могла вырваться наружу. К ней не было слов, да и не могло быть, просто грустная мелодия, в которой было всё. Это было озарение. Божественное. Непредсказуемое. И оно означало, что я уже со всем смирился, осталось только положить эту историю на нотные знаки и забыть.

Душа моя не умела долго страдать, любая мука превращалась в конце концов в стихи или музыку, обретала вполне материальное воплощение, которое можно подержать в руках, смять, порвать, передать другому или выбросить на помойку.

Я подошёл к окну, чтоб ещё раз взглянуть на чёрный лес. Теперь всё это было уже в прошлом. Я смирился, я от неё отрёкся, я больше не буду искать её и ждать; зачем она мне со своим диким лесом, со своим вселенским одиночеством, со своей тигриной любовью? Только сердце ещё щемит, а руки хотят обнять её, но это пройдёт.

– Как поживает твоя тигрица?

Я вздрогнул, мне показалось, что этот тип читает мои мысли. Он спрашивал так, словно всё про меня знает.

– Хорошо поживает, – ответил я неохотно.

– Слушай... ну и как это с тигрицей, а?

Я усмехнулся, вспомнив его гарем. Праведником он точно не был.

– Тебе бы понравилось.

– То-то ты ни на одну женщину не смотришь! Я уж думал, ты святоша не от мира сего.

А ты – вон что! Нам до тебя далеко, Энди! Знаешь, как это называется?

– Мне плевать, как это называется.

– Это ты правильно сказал. Тебе всё можно. И знаешь почему?

– Почему?

– Потому что ты гений. Это я тебе говорю. А других не слушай, эти болваны тебя не понимают.

Чумазый, всклокоченный, в мокрых полуспущенных носках и с синяком на лбу, он выглядел особенно смешно, когда по привычке сбивался на высокомерный тон. Я его не боялся – мне было его почему-то жалко. Наверное, потому, что в нём было ещё слишком много детства, оно задержалось в нём дольше времени, и в его подростковом теле, и в его исковерканной душе.

– А ты меня понимаешь, Нарцисс?

– Я не глупей твоей тигрицы. Что ты ей пел? Спой мне тоже.

– У меня нет настроения.

– А если я очень попрошу?

– Хорошо. Но это будет не то, что ты думаешь.

– Пой что хочешь. Только мне одному!

Нарцисс обнял острые коленки и смотрел на меня с благоговейным вниманием. Я понял, что он будет слушать. Будет слушать всё, что бы я ни спел, что бы ни сказал, и не перебьёт.

Не по силам мне вздорная птица любви,

Слишком когти остры, слишком крылья сильны,
И жесток её нрав, и укусы больны!
Не по силам мне вздорная птица любви!

Не пропеть мне прекрасную песню любви,
Только горло сорву, только сдавит в груди,
Только с болью в душе прохриплю: «Уходи!»
Не пропеть мне прекрасную песню любви!

Не вскормить мне могучего тигра любви,
Он сожрал уже всё, даже сердце моё,
Моей крови не хватит ему на питьё!
Не вскормить мне могучего тигра любви!

Не хочу я жестокого счастья любви!
Это сильным дано и бездонным дано,
Я устал, я иссяк, я уж мелок давно...
Не хочу я жестокого счастья любви!

- А ты злой, Энди!
- Ну почему же? Просто было такое настроение. Ещё?
- Конечно.

Уж город спал, а ты ушла из дома
Искать свою волшебную страну.
Та ночь была глубокой и бездонной,
Ты уходила в эту глубину.

В ту ночь был сильный дождь и сильный ветер,
Такой, что и окна не отвори,
И в этом шуме город не заметил,
Как простучали туфельки твои...

Вчера зашёл к нам сказочник бродячий,
Ты очень долго слушала его,
Ты доливала чай ему горячий,
Волнуясь непонятно отчего.

Он говорил, что счастье есть на свете,
Что, в общем, счастлив может быть любой,
Что есть любовь, внезапная как ветер,
Прекрасная и вечная любовь!

Что мир не ограничен нашим домом,
Да и кирпичной городской стеной,
Что радостно встречаться с незнакомым,
Что интересно мир открыть иной,

Что скучно жить, об этом не мечтая,

И не увидеть в жизни ничего!
И на меня косился, допивая
Свой чай он из стакана моего.

Не верь ему! Не верь, как я не верю!
Героев нет, и нет волшебных стран!
И нет любви! Понятно даже зверю,
И остальное тоже всё обман!..

И долго ты сидела молчаливо,
Растрянно посуду собрала,
Ты поняла, что хочешь быть счастливой,
А может, ничего не поняла.

И город спал, а ты ушла из дома
Искать свою волшебную страну,
И ночь была глубокой и бездонной,
Ты уходила в эту глубину.

И город спал, огнями не мерцая,
И я, не веря в сказки, крепко спал.
Не потому, что ничего не знаю,
А просто потому, что я устал.

Куда идёшь?! Ведь я тебя не встречу!
И не смогу помочь, случись беда,
И не взвалю твой груз себе на плечи,
И не увижу больше никогда...

Уж город спал, а ты ушла из дома
Искать свою волшебную страну...
А знаешь, это было мне знакомо!
Но я сумел найти тебя одну.

Через час или через два я остановился, но не потому что иссяк, а потому что мне надоело. Нарцисс за это время не проронил ни слова, кто бы он ни был, но у меня не было лучшего слушателя, чем этот истеричный мальчишка. Мне было интересно, что он во всём этом понял.

– Боги не должны страдать, – сказал он, когда перестала дрожать последняя струна и тишина внезапно заполнила огромную пустую комнату, голос у него был негромкий и вкрадчивый, – но, по-моему, тебе плохо, Энди.

– Сказать по правде, тошно, – усмехнулся я, – но кого это интересует?

– Меня.

– Тогда дай мне вина, в горле пересохло.

– Как прикажешь.

Нарцисс с трудом поднялся с пола, подошёл к столу и застыл в задумчивости. Я смотрел ему в спину.

– Пожалуй... на этот случай у меня найдётся кое-что получше, – проговорил он, оборачиваясь, – пошли со мной, Энди Йорк.

Бутылку он взял с собой. Мы прошли в другую комнату, поменьше, с пятнистыми шкурами на полу. Там он достал из бюро шкатулку, в которой лежала всего одна хрустальная горошина, маленький прозрачный шарик на чёрном бархате.

– Последняя. Но для тебя не жалко.

– Что это? – спросил я, чувствуя, как холодеет спина, я прекрасно знал, что это такое, только никогда не пробовал.

– Это не для простых смертных. Но ты же бог!

Вино он налил в хрустальный фужер, потом бросил туда горошину. Она растворилась мгновенно, превратив содержимое фужера в красную пену, даже не в красную, а в сверхкрасную, я в жизни не видел более яркого красного цвета!

– Пей, не бойся. Знаешь, сколько стоит один такой шарик? – Он усмехнулся и протянул мне фужер. – Не бойся, Энди, тебе понравится.

Я старался пить медленно, хотя рука дрожала, и вкуса я от волнения всё равно не разобрал. И ничего не произошло.

– Ну? И что?

– Сядь в кресло. Свитер лучше сними, будет жарко...

Я пребывал в трезвом рассудке, я всё понимал и видел, как никогда, я вполне отдавал себе отчёт, где я и что со мной происходит. Это было наслаждение тела в чистом виде, одного только тела, несчастного, уставшего, несовершенного, беспомощного, жадного. Я бился в волнах наслаждения, и каждая моя клеточка вопила о восторге!

Нарцисс стоял у стола с моим фужером. Он взболтал то, что осталось на дне, и вылил себе в рот.

Я устал, я был вымотан бесконечным удовольствием, у меня не осталось на это сил, и оно уже стало превращаться в муку. Тогда меня охватил страх, я вцепился в подлокотники, словно под ногами была пропасть, и застонал. Нет, я зарычал, я завопил! Меня трясло на грани наслаждения и муки!

Потом всё это откатило как волна, я сидел смертельно усталый, истощённый, не в силах пошевелить даже пальцем и разомкнуть век. Но слышал я прекрасно. Нарцисс стоял где-то рядом:

– Тебе понравилось?

Ответить я просто не мог, да он и не ждал ответа.

– Ты спи, ни о чём не беспокойся. Я пойду скажу твоему графу, чтобы не искал тебя.

Граф пришёл ко мне сам. Утром, когда я отрешённо приплёлся в свою комнату и тупо уставился в зеркало. Я не узнавал своего лица. Что-то изменилось в нём со вчерашнего вечера, хотя шрам был на месте, и так же пробивалась щетина, и волосы оставались чёрными, а глаза серыми. Обыкновенные, скучные, серые глаза. И совершенно пустые, как будто смотрят со сторожевой вышки на степь, гладкую как стол.

– Дурак, – сказал граф, – дурак, что ты делаешь?

– Я знаю, что я делаю, – сказал я.

– Ты погибнешь.

– Посмотрим...

Это было давно. Я почти забыл об этом. Но никуда это не делось. Это было моей жизнью, моей ошибкой, моим выбором. И стоило мне только приблизиться к этим местам, как всё возвращалось!

Я вышел к Сонному озеру. Было жарко, но от воды веяло свежим ветерком, вода на солнце казалась совсем прозрачной. Я шёл по правому берегу, заваленному валунами, я с удовольствием прыгал с камня на камень, и от моей тени шарахались в разные стороны стаи перепуганных мальков. Мне казалось, что это моё озеро! Что оно понимает меня и радо моему

приходу, что у нас с ним есть своя тайна и своя история. Мне казалось, что я тут один, мальчишка Энди из Озерии, из глухой лесной деревни.

Потом я услышал голоса. Кто-то пришёл сюда до меня, кто-то купался в заливе, кто-то развёл костёр на краю леса, кто-то привязал коней к маленькой ветвистой сосне. Я остановился.

Из воды вышла девушка с телом морской богини. Если бы я мог вылепить совершенство, я вылепил бы её! Если бы меня не притягивало в женщинах нечто совсем другое, необъяснимое, я влюбился бы в неё без памяти, сразу и навеки! Это была она, самая красивая девушка Лесовии, я сразу узнал её по распущенным чёрным косам, по гибким рукам, по лебединой шее, прекрасную Даная Доминици.

Она осторожно ступала по траве, как будто никогда в жизни не ходила босиком. Она вела себя так странно, словно для неё всё тут впервые: и вода, и солнце, и дым костра, она была как в раю, спокойная и счастливая, вместе с одеждой скинувшая все заботы и условности.

Возле костра, засучив рукава, сидел Ольвин. Он встал ей навстречу, завернул её в полотенце, и я было уже собрался ретироваться, но он и не подумал её поцеловать. Нет, тут была не любовь, как мне вначале показалось, а что-то доселе невиданное. Похоже, он и впрямь был святой, и Даная Доминици в этом нисколько не сомневалась.

Однажды я набрался наглости и спросил его, были ли у него вообще женщины. Он улыбнулся как всегда и ответил с той же лёгкостью, с какой говорил о своём уродстве: «Случалось. Из тех, кому уж совсем всё равно...» Я прекрасно видел, что женщины к нему тянутся. Я и сам его горба уже не замечал. «Ольвин, ты плохо думаешь о женщинах». «Я о них вообще не думаю», – ответил он тогда.

Даная Доминици оказалась той женщиной, о которой не думать невозможно. Ольвин что-то рассказывал ей и вертел над огнём на прутике кусочек колбасы. Даная радостно смеялась.

Я не стал им мешать и свернул в сторону леса. Я уступил им своё озеро.

* * *

Я дошёл наконец до пещеры. Входить в неё было так же страшно, как во временной колодец. Мне казалось, что сейчас я шагну в эту темноту, в этот узкий холодный коридор и окажусь в прошлом. И всё вернётся. Будет огромный покинутый зал с высохшим бассейном, где мы катались по радужному полу, кусаясь, облизываясь, дурачась, как котята, и упиваясь друг другом. Будет ущелье с водопадом, ледяная осенняя ночь, золотая Капелла в зените, рыжий Альдебаран справа, Кастор и Поллукс слева... она придёт, она прижмётся ко мне, ткнётся по кошачьи головой мне в живот, и я задохнусь от раскаяния и безысходности. Я пришёл. Я твой. Я всё потерял. И круг замкнулся.

Я сидел на камнях возле входа в пещеру, так и не решаясь туда войти. Уже стемнело, и мне было ясно, что домой я вернуться не успею, и что никто ко мне не придёт, и никто меня сюда не звал, просто показалось. Просто приснилось. Я никогда, никогда уже не встречу со своей белой тигрицей, как нельзя встретиться со своим прошлым! Для этого нужно не просто прийти – нужно повернуть время вспять. Немного. Совсем чуть-чуть. На каких-то два года, когда я только стоял на краю пропасти.

Нет. Я стоял у замёрзшего ручья, всё было бело и торжественно, зубы ещё ломило от ледяной воды. Он шёл ко мне по тропинке, нам было не разминуться.

– Энди, я уезжаю в Трир.

– Я уже знаю.

– Ты поедешь со мной?

Нарцисс ждал, бегая по мне быстрыми чёрными глазками. Я молча оглянулся на лес. Он был безмолвен и по-зимнему холодно красив.

– Да, – сказал я, делая шаг к Нарциссу.

Улыбка его была ослепительна, как снег на солнце.

– Ты не пожалеешь, Энди! Клянусь, я всю Лесовию положу к твоим ногам! Ты мой бог! С этими словами он снял свой длинный шарф и накинул его мне на шею как петлю.

– Осторожней, – засмеялся я, – а то вы меня задушите на радостях, ваше величество!

Коридор был сырой и холодный, я думал, он никогда не кончится. Потом был ослепительный свет, раскиданная мебель, пол, вылизывающий башмаки, высохший бассейн. Я ходил по этому залу как тень, тупо и обречённо, словно это меня тут бросили много тысяч лет назад. Бросили второпях и забыли.

Потом что-то нашло на меня, я стал поднимать кресла, выравнивать столы, задвигать ящики. Я наводил порядок. Я тормозил этот уснувший зал с непонятным самому раздражением. Я не выносил его заброшенности.

И зал ожил. Вдруг стали происходить странные вещи: сами собой раскрывались шкафы, меняли цвет стены, поворачивались зеркала. Когда полилась вода в бассейн, я ошалело упал в огромное тигриное кресло и тупо уставился на струю из трубы. Мне было не по себе. От всей этой чертовщины сразу загудела голова и страшно захотелось пить. Пить. Пить, пить! Конечно! Сегодня был слишком жаркий день!

Не успел я об этом подумать, как где-то сзади зажужжали, открываясь, дверцы шкафа. Они не распахивались, как обычно, а расползались в разные стороны. Я оглянулся и увидел на полках посуду: тарелки и кубки для питья. Зал предлагал мне напиток!

Я медленно, на ватных ногах подошёл. Взял кубок. Он был пуст, зато рядом стоял сосуд, похожий на закупоренную бутылку. Она легко открылась, и в ней оказалась жидкость, похожая на вино. Я решил не испытывать судьбу и напиток из бассейна, благо воды было вдоволь. А пока я размышлял над этим вопросом, передо мной выдвинулся узкий длинный ящик. Сам. Я уже по привычке к сюрпризам и с каким-то весёлым любопытством заглянул в него: что же ещё предлагает мне живой зал. И обмер.

В ящике перекатывались по дну хрустальные шарики. Они были величиной с горошину. Их было много. Очень много. Полно! По тому, как небрежно они были ссыпаны в ящик, я понял, что для белых тигров это было чем-то обыкновённым. Они упивались этой гадостью ежедневно, между делом! Может, потому и вымерли?

Я думал, что откажусь от этого навсегда, как и от много другого. Но не вышло. Это хрустальное, голое и пустое наслаждение, которое не имело ничего общего ни с любовью, ни с вдохновением, ни со свободой, снова лежало передо мной, невинно переливаясь крохотными гранями и поблёскивая, как снег на солнце.

Я был поражён. Если бы там был один или несколько шариков, я бы нашёл в себе силы и просто отвернулся. Но их было так много! Оглядываясь, словно меня мог кто-то видеть, я насыпал пригоршню в карман.

Стало душно. Руки вспотели. В зале был и другой выход, в унылую каменистую долину, я выбрался туда глотнуть свежего воздуха.

«Так вот откуда взялись эти горошины, – размышлял я, сидя на остывающем валуне, – а меня уверяли, что их делают в Стекланном городе! Нет, их никто уже не делает, они остались от белых тигров, от этих загадочных существ, которые ушли. Куда? Почему? Где вы, прекрасные белые тигры, всемогущие, ленивые, жадные до наслаждений? Вы имели, кажется, всё, не вставая с кресла, не шевеля даже когтем, чего же вам не хватало?»

Уже наступила ночь, но такая лунная и звёздная, что виден был каждый камень и каждый карликовый куст. И что-то поблёскивало под ногами между камней, отражая звёздный

свет как осколки зеркала. Я наклонился, чтобы подобрать один осколок. Это был всё тот же хрустальный шарик, сияющий, как маленькая упавшая звезда.

Я с усмешкой взглянул на небо, чтоб посмотреть, кто это свалился: Альтаир или Вега? Звёзды оказались на месте, Лебедь летел, широко раскинув крылья и вытягивая длинную шею, и рыжий Арктур пас своего вола, и бледный Дракон по-прежнему выгибался между ковшей извилистой полоской, но с небом происходило что-то странное: на нём было две луны! Да-да, в этом небе было две полные, ореолом окружённые луны. И можно было сколько угодно протирать глаза и щипать себя за локоть, видение не проходило. Это был не сон, я стоял, смотрел на раздвоенную луну над чёрными пиками вершин и глупо смеялся, потому что ничего другого мне уже не оставалось.

Вход обратно напоминал огромную каменную голову тигра с раскрытой пастью, оскал её был страшный. Я покорно вошёл в эту пасть, ничему уже не удивляясь и ничего не пытаюсь понять. Я шёл, и шаги мои гулко отдавались под выгнутым потолком длинного коридора, тускло освещённого непонятно каким способом. Всё было как во сне, и может, поэтому я так и не смог заснуть в огромном тигрином кресле под звук льющейся в бассейн воды. Мы оба не спали: я и зал, который я разбудил.

* * *

– А Ольвин поехал тебя искать, – сказала Изольда, поспешно вытирая руки полотенцем, – господи, где ты был? Что случилось?

Голос у неё был совсем тихий и перепуганный. Она опять что-то готовила, волосы были убраны, рукава закатаны, талия обвязана передником с огромными карманами. Мне казалось, я знаю эту женщину сто лет, что она моя. Была, есть и будет во веки веков. И я давно, безумно давно, целые сутки её не видел!

– Всё нормально, – сказал я, – заблудился немного.

– Нормально! Мы не знали, что подумать!

– А где Нолли?

– Куда-то пошла. Кажется, опять к портнихе.

– Так мы одни?

– Мартин!

Она остановила меня осуждающим взглядом, щёки её вспыхнули, как георгины.

– Не бойся, – вздохнул я, – ничего не случится. Ты умрёшь такой же непогрешимой, как твой брат.

Изольда поджала губы и отвернулась.

Я взял холодную котлету с булкой и поднялся к себе. Кровать была не убрана, Нолли не любила этого делать. Под кроватью лежала моя сумка, набитая деньгами, я высыпал в неё содержимое своих карманов и задвинул обратно. Я мог бы стать очень богатым, если бы я таковым уже не был. Нарцисс сдержал своё слово: у меня было всё, всё, всё! Кроме свободы.

Сначала я об этом не догадывался, я упивался своей властью, я был вполне согласен с теми, кто называл меня некоронованным королём Лесовии, нет, не королём шутов. Это были уже не шутки...

Нолли застала меня сидящим на полу возле кровати:

– Объявился!

– Не сердись, я просто заблудился в лесу.

– В лесу? Я думала, ты уже у своего Эриха.

– Ну что ты говоришь!

Она как стояла, так и села на пол у двери и заплакала.

– Нолли, ты что?

- Я думала, ты меня бросил...
- Иди сюда, не плачь... не брошу я тебя, никогда не брошу.
- Нет, я с ума сойду!

«Это я с ума сойду!» – подумал я, прижимая её к себе.

В который раз я пытался понять, как же это случилось? Как получилось, что ярываюсь теперь на части и ничего не могу поделать? Какая-то злая шутка судьбы! Или просто та самая расплата?

Графиня Андорм никогда не жаловала меня особым вниманием, она очень редко бывала при дворе, так как муж её был уже не в чести у Эриха. Не без моей, конечно, помощи. Я только заикнулся, что не выношу его общества, и этого было достаточно. Граф знал, что так оно и будет, он зашёл ко мне и предупредил, что я плохо кончу.

Потом королева-мать взяла Лючию в свою свиту. Мы стали видеться почти каждый день, но графиня Андорм была подчёркнуто холодна со мной. Однажды, во время какой-то пирушки, я подошёл к ней и просто из нахального любопытства спросил:

- Графиня, вы сердитесь на меня за своего мужа?
- Я?! – Она как-то растерялась. – С чего вы взяли?
- Наверное, показалось, – улыбнулся я и отошёл.

В тот вечер мы больше не разговаривали, только переглядывались.

Утром Нарцисс притащился ко мне в спальню и капризно заявил, что все дворцовые шлюхи ему надоели и хочется чего-то новенького. Например, Лючию Андорм. Кстати, она просто прелесть, а на графа уже плевать. Мне тоже было на графа плевать, но и мстить ему уже не хотелось. Я был удовлетворён.

- Как хочешь, – сказал я, – но, по-моему, она упряма и холодна, как треска.
- Это только видимость. У неё в глазах черти.
- Не замечал.
- Ну конечно! Она же в меня влюблена, а не в тебя!
- Ну разумеется, – усмехнулся я, – кто бы сомневался!

– У меня две новые танцовщицы, – сказал Нарцисс, лениво потягиваясь, с утра он был взъерошенный, сонный и совершенно безобидный с виду, – одна похожа на Лючию. Хочешь посмотреть?

- Давай, – вяло согласился я.

Он дотянулся до колокольчика, позвонил и снова свалился на кровать.

– Сегодня у меня послы, потом министры... потом надо посмотреть, как строится мой летний замок...

- Я не поеду, – опередил я его, – у меня три песни не дописаны.
- По дороге допишешь.
- Я не хочу никуда ехать.
- Энди! Будет весело, обещаю.

Если б он знал, как я устал от его веселья!

Танцовщицы были как день и ночь: одна черноволосая, темнокожая, другая белокурая, голубоглазая, действительно похожая на Лючию Андорм. Мы смотрели на танец и обсуждали в это время какие-то государственные дела, по-моему, решали, кого из заговорщиков казнить, а кого упрятать в Столетнюю тюрьму и не пора ли вмешаться в междоусобную войну между Тиманским и Тифонским герцогами. Да, я решал даже это, между делом, за чашкой утреннего чая. За это меня боялись. За это меня ненавидели. Я был властен над чужими судьбами. Но, как оказалось, не над своей.

- Ты веришь в судьбу? – спросил он вдруг.
- Пожалуй, нет, – сказал я, – с моим-то счастьем...

– А вот сейчас проверим! – Он хлопнул в ладоши и повернулся к танцовщицам. – Ну, хватит, хватит... прыгайте к нам.

И ему досталась «ночь». Беленькая, похожая на Лючию, села ко мне.

– Счастливчик ты, Энди! – засмеялся Нарцисс.

Я вспомнил об этом уже потом, когда всё рухнуло. Когда я не выдержал и уехал самовольно в Озерию, в свой родной лес, к своим озёрам – набраться вдохновения. А когда вернулся...

Нарцисс сидел в игорном зале в окружении своих любимчиков: Кристофера, Эскера и Марциала-младшего. На нём был чёрный камзол с позументами, который делал его неотразимым. Он не дал мне сказать и пары слов, вскочил со стула и истерично завопил, что я негодай и ничтожество, что я не мог, не смел, не должен был... что я, как пёс, должен всегда находиться рядом с его сапогом и ни шагом дальше, что он – король, а я без него ничто.

Вот, оказывается, как всё было. А я привёз столько новых песен из Озерии!

– Я и без тебя кое-что могу, – разозлился я не на шутку, – я гений, а ты всего-навсего король.

В общем, зарвался я совершенно. Говорить такое королю, да ещё при свидетелях! Я действительно стал уже путать, кто из нас король. Но и он был не лучше. Не знаю, что больше сверкало: серьга в его ухе или его чёрные разгневанные глаза. Он побелел как полотно и наклонился к голенищу. Меня обожгло. Я не сразу понял, что меня стегнули по лицу. Плёткой. При всех. Как пса.

Всё повторилось.

Он молчал, и я молчал. Тишина была полная. Когда ледяное презрение на его лице стало сменяться ужасом, я закрыл лицо рукой и вышел. Никто мне не препятствовал.

Я долго приводил себя в порядок: своё лицо, свой камзол и свои мысли. Потом кто-то робко постучал в мою дверь. Я не хотел открывать, но уж больно робкий был стук. Передо мной стояла Лючия Андорм.

– У меня есть хорошее средство от кровотечения, – сказала она виновато, и я понял, что эта история уже известна всем во дворце, – хотите?

Пока я мазался бальзамом, она смотрела то на меня, то на себя в зеркало.

– Энди, вам нельзя здесь больше оставаться. Кристофер и Эскер столько наговорили королю в ваше отсутствие... вы даже не представляете, сколько у вас врагов!

Я уже всё решил тогда. Решил сразу, сгоряча и безвозвратно.

– Как же я уеду, Лючия, – сказал я как можно более проникновенно, – если вы здесь?

– Я?! – Она удивилась, но не смутилась.

– Вы, конечно.

– Энди, я поеду за вами хоть на край света.

– Я не ослышался? Лючия, вы понимаете, что вы говорите? Я ведь уже ничто. Мало того, меня будут преследовать.

Она покачала головой:

– Ты вовсе не ничто. Ты талантлив, и этого у тебя не отнимешь.

А я ещё не верил в судьбу!

Мы удрали в тот же вечер, и меня ещё долго согревала мысль, что этот негодай с плёткой в сапоге не найдёт наутро своей красавицы Лючии Андорм!

А теперь мы сидели обнявшись на полу в маленькой комнатухе на окраине Тарлероля, и изменить уже ничего было нельзя.

– Если ты меня бросишь, я умру.

– Не бойся, Птичка. Хочешь, уедем отсюда?

– Куда?

– К чёрту на рога! Далеко-далеко, в Озерию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.